Валерий
Иванов-Таганский

ВОРОВСКАЯ ЯМА

Валерий Александрович Иванов-Таганский

Воровская яма (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34117110
Воровская яма:
ISBN 978-5-00095-243-6

Аннотация

Книга состоит из сюжетов, вырванных из жизни. Социальное напряжение всегда является детонатором для всякого рода авантюр, драм и похождений людей, нечистых на руку, готовых во имя обогащения переступить закон, пренебречь собственным достоинством и даже из корыстных побуждений продать родину. Все это есть в предлагаемой книге, которая не только анализирует социальное и духовное положение современной России, но и в ряде случаев четко обозначает выходы из тех коллизий, которые освещены талантливым пером известного московского писателя.

Содержание

Нескучное чтение 5
Воровская яма 12
Конец ознакомительного фрагмента. 152

Валерий Иванов-Таганский
Воровская яма

© Иванов-Таганский В.А., 2016
© ИПО «У Никитских ворот», оформление, 2016

* * *

Нескучное чтение
О книге «Воровская яма» и ее авторе

Творчество Валерия Иванова-Таганского – уникальное явление в культурной жизни России. В каждом писателе должен таиться актер, иначе ему не удастся «сыграть» своих персонажей, чтобы они получились зримыми. Актеру же нет необходимости иметь писательские дарования, хотя актер, написавший неплохую книгу – отнюдь не редкость. И все же, настоящими писателями, постоянно работающими со словом, драматические актеры становятся крайне редко. Иванов-Таганский как раз и есть такая rare avis – редкая птица.

Появившись на свет в тяжелые годы Великой Отечественной войны, Валерий с молодости определил в себе актерские таланты, работал в Рижском ТЮЗе, в Риге же окончил Художественное ремесленное училище и в восемнадцать лет поступил в знаменитую «Щуку» – московское театральное училище имени Щукина. А по окончании одного из главных в стране актерских вузов, начинающий артист вытащил счастливый билет – его пригласили в труппу Театра на Таганке. Тогда Таганка еще только начинала греметь на всю страну. К 1964 году театр стал одним из наименее посещаемых, а его главный режиссер Александр Плотников, вынужден был уй-

ти в отставку. Пришедший ему на смену Юрий Любимов в корне изменил художественное направление театра, на спектаклях начались аншлаги. Вскоре в театр хлынула новая волна даровитых артистов, и среди них – Высоцкого, Золотухина, Губенко, Филатова – оказался и Иванов-Таганский. О тех счастливейших годах Валерий Александрович написал, на мой взгляд, выдающуюся книгу «Триумф и наваждение», иметь которую в своей библиотеке должен каждый, кому дорога история отечественной театральной культуры.

В труппе Любимова Валерий Александрович стал одним из ведущих актеров, сыграл Керенского в «Десяти днях, которые потрясли мир» Джона Рида, Лаэрта в шекспировском «Гамлете», Глумова в «Бенефисе» Островского, Сагрэро в брехтовском «Галилее», Бурнова и Торнова в есенинском «Пугачеве», «Дамиса» в мольеровском «Тартюфе», и другие роли. А в спектакле «Товарищ, верь!» он играл одновременно и государя императора Николая I, и мерзавца Дантеса. Как видим, все весьма значительные роли. В книге «Триумф и наваждение» Иванов-Таганский великолепно передал атмосферу тех лет, когда гремела Таганка, эта книга – из тех, которые, начав читать, не можешь остановиться.

Поразительно то, что именно в те годы, когда, казалось бы, актер, играющий в одном из самых знаменитых театров страны, должен лишь упиваться своими ролями и радоваться столь бурной актерской жизни, Валерий Александрович принимает решение, что он будет не только артистом, но и

писателем! В 1969 году поступает в Литературный институт и учится в семинаре великого Розова. В то время Виктору Сергеевичу было под шестьдесят, самый расцвет для писателя во всех отношениях, когда он не только в силах много и хорошо работать, но и способен передать свое мастерство ученикам. И среди таких учеников оказался Ива-нов-Таганский. Он с жадностью впитал в себя все, что мог дать ему Розов, и в дальнейшем это скажется на литературных опытах актера с Таганки.

Проработав у Любимова более десяти лет, Валерий Александрович решил попробовать себя как режиссер и несколько лет возглавлял алмаатинский академический театр имени Лермонтова, где поставил свыше десяти спектаклей, в их числе булгаковские «Дни Турбиных», «Скандальное происшествие» Пристли и, конечно же, замечательное произведение своего учителя – розовское «Гнездо глухаря».

В последние годы Валерий Иванов-Таганский ставил спектакли в театре «Содружество актеров театра на Таганке», по его роману «Семя Отечества» поставил фильм один из ведущих российских кинорежиссеров Юрий Кара, а передачу «Искатели» на Первом канале, в которой Иванов-Таганский выступает в качестве ведущего, с неослабевающим интересом смотрят миллионы телезрителей..

Но среди множества успехов этого одаренного во всех отношениях человека мало кто обращает внимание на одно весьма важное достижение.

Мировоззренческое. Ни для кого не секрет, что художественный мир Театра на Таганке и его главного режиссера Любимова в основном строился на либеральных ценностях. «Свобода любой ценой!» – вот лозунг, который мог бы красоваться на здании этого храма муз. Оставшись верным сыном Театра на Таганке, Иванов-Таганский, тем не менее, в своей жизни совершил важный мировоззренческий переход от либерализма, который непременно увязывается с западничеством, к консервативно-патриотическим позициям. Это наглядно прослеживается в его книгах. В том числе и в той, которую вы, читатели, сейчас держите в руках.

Она состоит из трех довольно разноплановых произведений, но все их объединяет одно – тревога подлинного гражданина о судьбах своей страны. Роман «Воровская яма» – остросюжетный детектив, мастерски построенный по всем законам жанра, при этом насыщенный интереснейшими персонажами. В нем писатель выступает и как замечательный психолог, знаток особенностей человеческого поведения наших времен. Но помимо этого, роман «Воровская яма» предоставляет сцену для выступлений автора и его героев, наполненных размышлениями о ситуации в России, о ее бедах и свершениях, о том, с чем нужно бороться, а что можно приветствовать. То, что могло бы лечь в основу публицистических статей, писатель Иванов-Таганский мастерски вшивает в структуру чисто художественного текста.

«Полк наш был на особом счету, до этого Афган прошел.

Я-то служил, когда его слава уже потускнела, вот только полковник Николаев остался. Зато и ценили его ребята. Когда надо было остатки армии защищать, к начальству шел с таким остервенением, что те старались с ним не связываться – ни мало, ни много Герой Советского Союза. Это сейчас опомнились, поняли, что армия нужна, а тогда ведь, сами знаете, за копейки служили. Так были зацелованы Америкой, что армия казалась пережитком». Вот лишь один из огромного множества примеров того, как писатель через разговоры своих героев передает читателю многие свои главные мысли о событиях в России последних времен от Горбачева до Путина. Подобные примеры можно приводить и приводить, но читатель уже рвется своими глазами убедиться в том, о чем его уведомляет автор предисловия.

Столь же умело вписывает свои злободневные размышления Иванов-Таганский и в повесть «Нескучный свет», рассказывающую о нравах писателей, обитающих в знаменитом поселке Переделкино и расположенном там же доме творчества. Знающие этот быт без труда узнают в героях повести тех, кто послужил для них прототипами. Для тех же, кто далек от этой среды, пусть персонажи останутся под именами, кои им присвоил автор. Одно могу сказать – написано, пожалуй, столь же увлекательно, как «Театральный роман» Булгакова.

Третье произведение, включенное в данную книгу – пьеса «Дорога волков». В ней-то, как мне кажется, наиболее полно

сказалось то ценное наследие, которое Виктор Сергеевич Розов сумел передать своему ученику – Валерию Иванову-Таганскому. В свое время Розов боролся с зарождающимся в людях обездушиванием. Автор пьесы «Дорога волков» показывает, как перелопатили человеческую душу все реформы, перестройки, перетряски и перемалывания, свалившиеся на нас после крушения Советского Союза. Кто-то остался человеком, а кто-то превратился в волка. И все страдают. Потому что, оставшись человеком, ты со всех сторон уязвлен, унижен, обобран, раздавлен. А став волком, готов сожрать любого, но хорошо ли человеку в волчьей шкуре? Нет, автор пьесы показывает, что и умение пожирать других не приносит счастья, потому что это путь погибели, а дорога волков это прямая дорога в ад.

Ещё более остросюжетна совсем новая, только вышедшая из-под авторского пера, пьеса «Любовь со взломом». Легкий флирт главного героя Кондратьев постепенно превращается в любовные отношения, затем в крепкое чувство, благодаря которому он уже готов жениться, но развязка оказывается совершенно неожиданной и трагичной… Хотя, герой, которому предстоит, возможно, попасть в тюрьму, при этом духовно возрождается. У пьесы открытый конец, и трудно сказать, ждёт ли когда-то героев пьесы счастье. Всё весьма печально, и зрителю остаётся лишь посочувствовать тележурналисту Кондратьеву, что ему таким образом приходится расплачиваться за своё излишне беспечное отношение к

жизни и к людям.

Вот такая получилась весомая книга, и остается лишь поздравить автора с ее выходом. А читателю пожелать нескучного чтения, которое ему, я уверен, обеспечено!

Александр СЕГЕНЬ

Воровская яма
роман

На одном из поворотов дороги Дрожжин чуть не врезался во встречную машину. Обогнавший водитель обложил его через окно крепкой руганью и погнал вперед. Дрожжин сбавил скорость и перешел вправо, на обычную колею.

«Вот тебе и хваленые нервы!» – заметил он и стал убеждать себя успокоиться.

И тем не менее ехал он быстро. Мотор «ситроена» гудел на пределе. Дрожжин торопился на дачу. Соседка Галя по фамилии Мельница рано утром сообщила, что дом обворовали. По дороге его неотступно мучил один и тот же вопрос: сколько картин украли? Все или что-нибудь осталось?

На свою беду, после переезда из Москвы в Ледовск он взял все оставшиеся у него работы с собой, хотя мог бы большую часть оставить в небольшой квартире у дочери. Раньше они жили все вместе в трехкомнатной, но после развода он решил начать новую жизнь и уехал на родину детства, в Ледовск. Здесь, в небольшом забайкальском городе, остался ему в наследство дом покойных родителей и дача у реки Басурманка. Текла Басурманка из Бурятии, зимой испокон веков крепко промерзала и щедро делилась льдом со всей округой; вот почему село, а потом и город стали называть Ле-

довск. Край этот был удивительным. Природа щедро одарила Забайкалье: здесь все смотрелось грандиозно, масштабно и все отвечало темпераменту и характеру художника Дрожжина: полные богатств подземные кладовые, зеленый океан тайги, бескрайние просторы степей, могучие, полноводные реки, чистая вода и сопки, поросшие сиреневым багульником.

Большую московскую квартиру, где когда-то протекала долгая счастливая жизнь, пришлось разменять. Двухкомнатная квартира досталась бывшей жене и дочери, а ему купили маленькую однокомнатную квартирку. Вскоре Равеля свою квартиру продала, уговорив переехать в Америку и дочь. Однако Ольга неожиданно передумала. Появился потенциальный жених, который был категорически против ее отъезда. Но жену это ничуть не смутило. Забрав кое-что из домашних «богатств» на память, она, оставив дочь, навсегда укатила в Америку. В сущности, во всей этой истории все было смоделировано самим Дрожжиным. Он часто отпускал жену, работавшую многие годы замдиректора на крупном химическом производстве, отдыхать на хорошие курорты, сам же в это время увлеченно работал где-нибудь в глубинке, на пленэре. За это наивное доверие он и поплатился.

В один из отпусков Равеля нашла себе новых друзей из мусульманской секты и нового мужа – татарина, сманившего ее за границу. В итоге Дрожжин, прожив с женой чуть ли не со школьной скамьи, к сорока трем годам остался в

Москве бобылем, в однокомнатной квартирке. Оттого что большую часть жизни он просиживал у мольбертов, ленился заниматься спортом, к сорока годам начал полнеть, волосы поредели, однако в силу того, что был рослым, выглядел со стороны еще вполне импозантно и по-прежнему вызывал у женщин интерес. Особенно это нежное чувство передавалось им, когда он работал. Тут он становился асом, быстро преображался, бросалось в глаза, что живопись – его страсть, и все вдруг замечали, что у него приятное лицо, сильный темперамент, большие синие глаза, наполненные вдохновением, и внушительный нос, который, впрочем, не портил общую симметрию внешности. Развод хоть и пошатнул его, но все же не сломал.

Однако в этой ситуации совершенно неожиданно повела себя дочь.

В последний момент она отвергла все предложения сумасшедшей мамаши и, пожелав ей счастливой «лавстори», активно занялась устройством собственной жизни на родине. Ольге шел двадцать пятый год, она заканчивала учебу на психолога, начала готовить диссертацию и собиралась выйти замуж. Дрожжин, чтобы не потерять и дочь, оставил ей свою маленькую квартиру и уехал в Ледовск, изредка наведываясь в Москву по делам или для участия в выставках. В Ледовске он теперь жил на два дома: зимой – в городе, а летом – неподалеку, на даче в горах, в деревне Кремневке, где устроил себе мастерскую и разместил свои работы. Название Крем-

невка шло от соснового леса, который в этом районе звали кремью. Места здесь было много, дом старый, но крепкий. Родители Дрожжина любили этот уголок и от души постарались, чтобы он был красивым: на участке росли яблони, кусты облепихи, черной рябины, имелся даже небольшой пруд, сделанный собственными руками, где отец Дрожжина выводил карасей.

Река здесь подходила вплотную к дому, в небольшой запруде можно было рыбачить, купаться, поэтому летом Дрожжин отсюда никуда не выезжал – рисовал пейзажи, местных «аборигенов» и разных «русалок». Последней моделью оказалась красивая, известная певица Татьяна Богатова: подруга соседа – местного бизнесмена Горина. Этот портрет он не закончил и теперь, по дороге на дачу сокрушенно думал, что уж, наверное, никогда не закончит. Портрет находился на самом видном месте, – припоминал он, – и не исключено, что его в первую очередь и украли.

Татьяна Богатова нравилась Дрожжину: и своей необычайной красотой, и тем, что Дрожжин называл «перспективой». Вокруг этой женщины он всегда сочинял какие-то фантазии… Правда, этим только и обходился – рядом никого больше не было.

– Наверно, ее украли, – с тоской думал он.

Дрожжин часто любовался данной работой, не торопился ее заканчивать, а в отсутствие натуры о чем-то даже говорил с портретом этой очень интересной, неглупой женщины. До

карьеры певицы Богатова работала учительницей истории, и общаться с ней было одно удовольствие.

Неожиданно по дороге позвонила дочь Ольга. Пришлось рассказать, о том, что дачу обворовали. Дочь тотчас же спросила:

– Папа, что с картинами, тоже украли?

– Не знаю, вот подъезжаю, через десять минут буду там.

– Папа, прошу тебя, сразу позвони мне.

– Хорошо, позвоню.

– Слушай, папуля, а может, нам приехать с Рустамом? (Ольга, как и Дрожжин жену, нашла себе бойфренда в Казани.)

– Конечно, приезжайте, но знайте, это большая расходная статья.

– Вот об этом я и хотела с тобой поговорить.

– Сколько? – напрямик спросил Дрожжин.

– Папа, если можешь, пришли нам тридцать тысяч. Рустам в конце месяца получит, и мы тебе отдадим.

– Хорошо, разберусь с грабителями и пошлю вам денег.

– Папа, я тебя люблю!

– Ну да, любишь, как собственный сбербанк.

– Папа, тут остались два твоих этюда, можно мы с Рустамчиком их продадим?

– Я помню их. Я думал, они вам будут напоминать обо мне.

– Папа, не бей по живому. У тебя таких работ – море! Ру-

стамчик кое-кому их показал: за них хорошо дают. По секрету хочу тебе признаться, мы хотим купить новую машину и на ней прикатить к тебе в Ледовск.

– Ты с ума сошла, лучше я вам пошлю денег на дорогу, чем в такую даль тащиться из Москвы. И потом, что вы тут не видели?

– Папа, родину. Мою и твою малую родину, – ничуть не иронизируя, говорила она. – И потом, я по тебе соскучилась. Если я тебя прошу о чем-то утилитарном, то это вовсе не значит, что я не скучаю по тебе. Я очень тебя люблю, отец. Но жизнь в Москве сам знаешь какая дорогая.

– Хорошо, хорошо, – поникшим голосом отвечал Дрожжин, – приезжайте осенью, будут всевозможные урожаи, и съездим порыбачить на Байкал. А сейчас я вышлю вам на пропитание. Машиной сыт не будешь! А пока перебрось фотку по интернету, посмотрю, какой «шевроле» вы купили. Ну, бывай! Дорога очень трудная, не могу больше говорить.

– Пока, папуля, позвони обязательно, когда узнаешь, что там украли?

Надеюсь, ты вызвал милицию?

– Милиции сейчас нет, дочка, есть полиция. Вот сейчас приеду, разберусь, что украли, и займусь всем этим.

Телефон в Москве отключился, и Дрожжин бросил «Нокию» на переднее сиденье.

Переехав мост через Басурманку, он свернул на дорогу к своему дому.

Дорога была засыпана свежей щебенкой. Он вспомнил, что ему звонила соседка Галя и сообщила, что отдала на засыпку его долю в две тысячи рублей.

«Надо будет отдать» – мелькнуло у него в голове, но он тут же об этом забыл, так его ошарашил вид дома. Дрожжин еще не знал, что именно у него украли, но по виду дома чувствовалось, что его будто изнасиловали. Рамы окон были выбиты, дверь болталась на одной петле, на втором этаже окна были распахнуты, словно оттуда что-то сбрасывали. От окон, выходивших в сад, по нескошенной траве шел широкий протоптанный след в дальнюю часть участка, выходившего на боковую дорогу. Издалека бросалась в глаза большая дыра в заборе, доски валялись среди цветов: их намеренно разбросали, чтобы помять цветочные грядки.

– Все ясно, к забору подогнали машину и все сворованное там погрузили, – решил Дрожжин и с сильно колотящимся сердцем вошел в дом. соседке, этой горластой – Галине, кажется. Пусть подтвердит. Она к вам

* * *

Сосед прибежал на шум быстро. Дрожжин даже не кричал, а так – матерился от злобы и отчаяния.

– Что случилось? – спросил Валерий и сразу осекся, увидев лицо

Дрожжина и все, что стало вокруг. Соседка Галина не пре-

увеличила. Дом действительно обворовали. Но как: украли радиаторы, бойлер, одежду, сервизы, зимние колеса, удлинители, электрокосилку, пылесос и что-то еще по мелочам… При этом весь дом был разворошен, все привычное и дорогое, что составляло уют этого родового гнезда, – вазы с цветами, коллекция бюстов, собранная еще отцом, книги из библиотеки, подбиравшейся в течение десятилетий, – все это либо валялось на полу, либо было разбито, растоптано и уничтожено. Видно было, что воры все делали назло, словно издевались.

Но верхом воровского произвола и бандитизма были всмятку разбитые дверцы душевой кабины. Осколки были разбросаны все равно как после бомбежки. Видя состояние Дрожжина, сосед начал его успокаивать:

– Ну что поделаешь, Виктор Алексеевич. Никто от этого не застрахован. Надо звонить в полицию! – торопливо говорил он глуховатым голосом.

– Сейчас, сейчас… Конечно, позвоню, – бормотал в ответ Дрожжин, приглядываясь по сторонам и пытаясь понять, что исчезло. – Но прежде чем вызывать полицию, надо понять, что украли, – направляясь в библиотеку, отрешенно отвечал Дрожжин.

– Скажите, дом застрахован? – продолжал торопливо задавать вопросы Валерий.

– Да, на приличную сумму.

– Тогда в первую очередь надо звонить страховщикам.

– Это женщина. Зовут ее Ольга Владимировна. Фамилию не помню, – отозвался из библиотеки Дрожжин.

– Звоните страховщице, я подтвержу, что вы были здесь на прошлой неделе.

Дрожжин вернулся в столовую, странно посмотрел на соседа и с удивлением спросил:

– А зачем врать?

– Если вы отсутствовали в доме месяц, страховку имеют право не выплатить. И тогда страховочные деньги – тю-тю! Для гарантии позвоните давно клеится.

– Клеится? – озадаченно переспросил Дрожжин. – Не знаю. Я с ней не спал, может и не подтвердить, – попробовал он пошутить.

– Однако, Виктор Алексеевич, вы очень самоуверенный человек, – засмеялся сосед и дружески похлопал Дрожжина по плечу.

Дрожжин не любил фамильярности, но сдержался. С Валерием они общались недавно и редко. Дрожжин никак не мог запомнить его фамилию. Где-то ее записал и забыл. Когда приезжал, видел его на участке, то делавшего зарядку, то вечно что-то строившего и мастерившего. В политике сосед всегда был превосходно информирован, при встрече был подтянутым, вежливым, но холодным. Внешне Валерий выглядел даже красивым, но был, пожалуй, излишне самоуверенным и ироничным. Когда знакомились, Дрожжин запомнил, что он математик, кандидат наук и преподает в каком-то

институте. Позже от Гали Мельницы слышал, что Валерий разведен и что бывшая жена – тоже математичка. Вообще они как-то сразу не сошлись, чем-то друг другу не понравившись. Валерий был другой генерации, которую Дрожжин мало знал и не понимал. Догадывался, что сосед не бедный, хоромы у него были первоклассные.

Дрожжин долго оттягивал момент, когда нужно подняться на второй этаж, где у него были сложены картины. Войдя в комнату, он не поверил своим глазам. Все его работы были на месте. Он внимательно пересчитал рамы картин, аккуратно сложенных на специальные полки, и понял, что воры ни одну из его работ не тронули. На какое-то мгновение ему даже стало обидно. «Некому будет пожаловаться», – подумал он. Но следом пришло облегчение, и он, вздохнув полной грудью, с облегчением заулыбался. Настроение сразу сменилось в лучшую сторону, и, вернувшись назад, к соседу, он даже стал шутить:

– В моей фамилии два «ж»! – заговорил он весело. – Отец говорил, что наши два «ж» – это жизнь и железо.

– Фамилия из железа, а стали художником, – возразил Валерий. – Самая ранимая профессия.

– Не моя инициатива. Еще при Петре I принято было сирот отдавать в художники. Мой прапрадед и оказался таким сиротой. Но создав семью, как на дрожжах, заполнил род двенадцатью детишками. Вот отсюда и пошли Дрожжины дети.

На первом этаже дома было несколько этюдов и портреты китайцев, сортирующих в ящиках помидоры. Сосед бросил на них взгляд и, скривив губы, с каким-то огорчением спросил:

– Вы даже наших соседей-арендаторов рисуете? Может быть, вы китайский знаете?

– Нет, там есть один китаец – Чиа, он неплохо говорит по-русски.

Я ездил к ним за помидорами и огурцами и нарисовал их на коробках, в которые они сортировали помидоры. А потом вырезал днища и поставил в рамки. Чиа из крупной партийной семьи, преследующейся за участие в китайском духовном движении «Фалуньгун». Предпочел укрыться у нас, пока там идет борьба двух кланов.

– Значит, и там неспокойно.

– Конечно. Даже здесь они представлены разными кланами. Ближе к нам – Си Цзиньпинцы, а в том краю – люди Цзяна. – Для убедительности Дрожжин показал, в каком направлении находятся враждующие группировки.

– Вот успокоятся они там, нарожают еще полмиллиарда и как попрут все на нас – мало не покажется.

– Вы не знаете китайцев, дорогой сосед, это миролюбивый народ.

– Да, на Даманском они себя показали отменно. Если бы не лазерное оружие – где что было бы сейчас.

– Такого больше не повторится, Валерий.

– А и повторяться не надо. Мы и так в железных финансовых объятиях Поднебесной. Их нашествие предсказал еще в 1986 году индийский пророк Ошо. Индус тогда всех в шок вверг, заявив: «Правительство России не сможет им противостоять». И то правда – разве можно не пустить к себе тех, с кем сегодня целуешься «в десны» и от кого с благодарностью принимаешь самое дорогое, что для тебя есть, – деньги?

– Деньги мы получаем за газ и многое другое, а целуются «в десны», Валерий, только верблюды. Интересная история, – стал заводиться Дрожжин, – еще китайцами Шелковый путь не восоздан, мы еще не слезли с «нефтяной иглы», а наша интеллигенция вместо настоящей работы в паранойю впадает, от окитаивания бесится.

– Хорошо, хорошо, будь по-вашему. Может, и пронесет.

Просматривая висевшие по стенам работы, сосед заметил:

– У вас столько прекрасных картин, а воры почему-то ни одну не забрали.

– Я сам удивляюсь, – отозвался Дрожжин, разгуливая по дому и присматриваясь: чего же все-таки не хватает. – Странные воры, очень странные, – повторял он одно и то же.

– Нет, все-таки забрали одну вещь, – послышался его голос из комнаты, названной когда-то детской. – Забрали камень, отцовскую находку. –

Дрожжин вернулся на веранду и, что-то показывая руками, пояснил:

– У нас здесь на самом виду был нефрит, вот такого раз-

мера. Забрали. Валерий в это время любовался своим участком и в который уже раз последние двадцать минут хвалил себя за предусмотрительность – сразу поставил дом на охрану. «А то бы вот так же ходил бы и разводил руками, как самоуверенный Дрожжин». Услышав о нефрите, он резко повернулся, лицо его неописуемо преобразилось, и он сдавленным голосом переспросил:

– Вы сказали – нефрит? Камень нефрит?

– Да, лет тридцать назад отец нашел его неподалеку, в вашем районе, и выставил на обозрение. Тридцать лет стоял у нас в детской и никому не мешал. Смотрю, нет. Украли, сволочи!

– Это же дорогой камень, – посочувствовал сосед.

– Не в деньгах счастье. Это память об отце.

– А какого цвета был ваш нефрит? Зеленого или цвета кошачьих глаз? – Нет, это был белый камень. Отец гордился им, говорил, что очень дорогой.

– Сколько он весил?

– Не знаю, – убирая разбросанные книги, отозвался Дрожжин. – Он был увесистый, около килограмма.

– Поздравляю, а вы говорите, все обошлось. Ваш камень кучу денег стоит. Все, что у вас украли, – тысячная доля от стоимости этого камня.

– Вы знаете, Валерий, мы с покойной сестрой странно были воспитаны. Мы считали, что не в деньгах счастье, и както не думали о цене. Вон у нас полно гранита на горе, так

что, впору ритуальный бизнес открывать? Надгробиями торговать! Не по-русски это как-то и не по-человечески!

– А у вас есть хоть какое-нибудь объяснение, почему у воров такая избирательность? – с каким-то подозрительным выражением лица спросил сосед. Дрожжин помолчал, прикидывая, что ответить, и только потом заговорил:

– Камень забрали, потому что лежал на виду. Не думаю, что те, кто тащат бойлеры, разбираются в стоимости такого камня. А вот почему картины не тронули – ума не приложу.

Валерий довольно странно посмотрел на Дрожжина и с умилением развел руками.

– Счастливый вы человек, Виктор Алексеевич, долго жить будете.

Я вот прошлой осенью в Москве был, смотрел в Малом театре спектакль «Шутники» по Островскому. Вы – настоящий герой этой пьесы, Виктор Алексеевич. У вас какой-то пофигизм ко всему – как не от мира сего. Говорите, картины не забрали, и слава богу. Другой бы гранитом торговал, а вам – лучше не трогать, больше внукам достанется.

– Кстати, правильная мысль: мы наших внуков при такой алчности вскоре по миру пустим. Напропалую торгуем нефтью, газом, раздаем лес, воду, словно жить на свете только этому поколению, а следующих будто бы и вовсе не будет.

– Да поймите вы, Виктор Алексеевич, что такой нефрит около десяти тысяч долларов стоит у китайцев. Вон на том берегу у них сотни теплиц. Вся округа их помидоры и огур-

цы покупает. Не исключено, что они по сходной цене уже и ваш нефрит купили. А может, они и слямзили случаем ваш нефрит?

– Китайцы? – переспросил Дрожжин. – Не верю. За ними здесь такое не водится.

– Ну хорошо, ваши воры в камнях не разбираются, но почему тогда они ни одну вашу картину не забрали? Они ведь тоже все были на виду.

– Первое, что приходит в голову: на любых украденных картинах очень легко попасться. Тут у наших органов многолетний опыт поимки воров, промышляющих живописью. Мою руку знают: «следки» зацепятся за проданную картину и всю воровскую шайку могут поймать.

– Вы еще даже не позвонили в полицию, – хмыкнул сосед, – а уже ловите шайку. Ну и мечтатель вы, ей-богу!

Валерий осторожно прошел следом за Дрожжиным в большую комнату, приспособленную под галерею, где по стенам висело несколько пейзажей, портретов известных людей и с десяток набросков. Среди всего выделялся портрет Высоцкого в костюме Гамлета и два портрета вице-премьера правительства РФ. Правда, судя по овалу лица вице-премьера на картине, портреты были давние, тех времен, когда тот возглавлял крупную политическую партию.

– А эта как здесь оказалась? – ехидно спросил Валерий, улыбаясь и с интересом рассматривая незаконченный портрет, расположенный на мольберте. – Это, кажется, дама серд-

ца нашего местного братка?

– Во-первых, не братка, а нашего соседа, – слегка огрызнулся Дрожжин.

Он не любил, когда о его клиентах отзывались неуважительно.

– Какой он сосед, стоит у него там какая-то уродская колдыбобина вроде бани. Весь участок репейником зарос и только весь дизайн и пейзаж портит.

– Соседей не выбирают, дорогой Валерий. Вы тут новичок, поэтому местную аристократию еще не знаете. Горин не браток, а бывший начальник РУВД, а теперь успешный бизнесмен. У него два автосервиса. К тому же он землевладелец и строитель. Помимо этого участка, – Дрожжин кивнул в сторону окна, – у него еще несколько таких. Он ведь в милиции служил, там все бесплатно забирали. Как-то у меня полетел насос в скважине, я – к соседке Гале – как быть? Она вызвала Горина. Тот приехал, все починил, но денег не взял, а попросил написать портрет этой самой Татьяны Георгиевны. Пока я здесь был, она приезжала на четыре сеанса. А потом исчезла, больше не появляется и не звонит.

– А что же вы не позвоните?

– Привык, чтобы клиенты искали меня. Впрочем, наверное, она на гастролях. Певица она вполне успешная.

– Бросьте, Горин не пускает. К такой знаменитости не каждый свою кралю пустит.

– Бог с вами, Валерий. Я от женщин устал безмерно. С

меня хватит. – Все это для отвода глаз, Виктор Алексеевич, а появится какая-нибудь юла, и глядишь, усталости как не бывало.

Дрожжин отмахнулся и начал ходить по дому, пытаясь найти шуруповерт и ящик с инструментами. Ему показалось, что и они исчезли.

– Вы правы, картины в одночасье не продашь, – громко рассуждал сосед. – Тут действительно можно сгореть. Видимо, торопились – нужны были шальные деньги. А может быть, и знали, что вы вскоре приедете. Мне, например, звонили и просили дачу продать. Причем не торговались, сразу большую цену назначили. Просили подумать. Мне же показалось, что проверяли – на даче я в это время или нет.

Дрожжин на секунду оторвался от своих мыслей и, подойдя ближе к соседу, вспомнил:

– Подождите, на той неделе мне тоже звонили. Спрашивали, не продаю ли я дачу. – На секунду оба замерли, пытаясь осмыслить совпадение. – И, кажется, тоже не торговались, за мою старушку двенадцать миллионов предложили.

– Я отказал. А вы? – спросил Валерий.

– И я тоже отказал, – подтвердил Дрожжин. – Но мне кажется, это обычное явление: когда человек хочет купить в каком-то месте дом или дачу, то звонит всем подряд.

– Позвоните и вы наконец в полицию, – резко потребовал Валерий. – А то вы ходите туда и сюда, все следы в доме затопчете.

Дрожжин хотел обидеться на этот окрик, но, видя, что сосед и впрямь за него искренне тревожится, достал мобильный и в это время заметил, что в оставленные открытыми ворота его дачи въезжает чья-то машина.

– Вы посмотрите, – вскрикнул Валерий, – стоило вспомнить красавицу с вашего портрета, Виктор Алексеевич, как она пожаловала собственной персоной! Да вы прямо-таки экстрасенс, Виктор Алексеевич.

Действительно, во двор въехал черный «ниссан». На переднем сиденье восседала известная фольклорная певца Татьяна Богатова, а за рулем был

Михаил Горин. Миша-шкаф, как его звали в узких кругах города и в дачном пригороде. Он был рано поседевшим крепким мужчиной лет пятидесяти, с кокетливой панделькой в длинных волосах, собранных в косу. Горин был соседом Дрожжина по дачному участку. Но он здесь не жил. На его участке находился только небольшой хозблок, оборудованный под баню. Основной дом его находился неподалеку, в селе Кремневке. Горин не раз говорил, что как только продаст свои земельные участки, то построит рядом со знаменитым художником коттедж – так он выражался. Но время шло, а ни дом, ни коттедж так и не строились. Был слух, что землю он продал, сполна за нее получил, зажил на широкую ногу и даже закрутил роман с известной певицей.

Все, кто знал эту пару, говорили: угодил молодец в капкан – Богатова недаром носит такую фамилию, она сделает его

бедным, да и здоровье Горин надорвет с такой любовницей.

Несмотря на некоторую упитанность, Горин ловко выскочил из машины, услужливо открыл дверь своей спутнице, одетой в красивое, вызывающего красного цвета платье, и оба направились к дому.

– Ну прямо пара гнедых, – зло прокомментировал Валерий, – Пара-тов и бесприданница.

Горин был начальником милиции в последние годы Советской власти.

Разбогател на мздоимстве и нелегальной продаже оружия; знал хорошо криминальный мир и в свое время контролировал кавказские группировки, которые платили ему немалую дань, чтобы окучивать все рынки контролируемого им района. Однако, вовремя бросив службу, Горин организовал автосервис и стал жить нешумно, но вполне сытно. За время, что прошло с момента его ухода с работы, он раздобрел, но смотрелся уверенно и крепко. Подражая героям из фильмов-боевиков, Горин отрастил длинные волосы и выглядел рядом с известной певицей качком-телохранителем, сдувающим пылинки со своей хозяйки.

– С приездом, Виктор Алексеевич, – звонко, растягивая гласные, заговорила Богатова и протянула Дрожжину руку. Дрожжин почувствовал, что рука ее была горячей и, как всегда, неуловимо-интимной.

– Привет, привет, – загудел за спиной басом Горин, проходя в дом следом за своей дамой. – Ну что, грабанули вас, –

весело прокомментировал он, видя, что все в доме разбросано.

– Да, вот приехал по звонку… А тут такое…

– Знаю, Галина Мельница мне тоже позвонила. Божилась, что при моем руководстве такого безобразия не было.

– Слава богу, – послышался счастливый голос Богатовой, – картины, кажется, целы. Ура! И мой портрет на месте. Ура-ура!

Она подскочила к Дрожжину и поцеловала его. На щеке художника появился пунцовый след помады, который она ловко соскребла длинными ногтями в красном маникюре. – Простите, это от волнения и радости. Я как услышала, что вас обокрали, в ужас пришла. Сразу сюда поехали. Я его так люблю, этот портрет.

Она с волнением прикоснулась губами к уголку своего портрета и словно передала этим поцелуем что-то условное Дрожжину.

– Мы едем с Мишей и говорим: наверное, мой неоконченный портрет больше не увидим. А оказывается, воры почему-то не позарились на меня. Я, оказывается, не в их вкусе, – она захохотала и с вызовом уставилась на Горина.

Горин, ревниво относящийся к подобному поведению своей возлюбленной, резко отодвинул ногой валявшийся стул, прошел к креслу около круглого стола, который от его уперевшейся руки сразу наклонился, и, оглянувшись на весь беспорядок, весело произнес:

– Легко отделались, Виктор Алексеевич. Могли так обобрать, что только стены бы остались. Но что поделаешь, как сказал Эзоп: «Довольствуйся своей участью; невозможно быть первым во всем».

Прищурив глаза, он взглянул в окно и, указав рукой в сторону разобранных досок в заборе, подытожил:

– Вон там стояла машина преступников. А через это окно все вынесли. Игнатову звонили? – неожиданно строго спросил он.

– А кто такой этот Игнатов? Какой-нибудь вор в законе? – улыбаясь, переспросил Дрожжин.

Горин громко захохотал, сверкнув золотыми фиксами, и, достав мобильный, изрек:

– В жизни надо знать трех человек – лечащего врача, в нашем возрасте – проктолога, крупного городского чиновника и начальника полиции. Сейчас разберемся. Вы только, господа дачники и любопытные соседи, не топчитесь здесь. Вон, сядьте на диван – он в стороне от большой дороги.

Он еще раз хохотнул, метнул глаз в сторону Богатовой – мол, смотри, как надо действовать, и стал набирать номер.

– Игнатов? Привет, Коля! Горин беспокоит! Ты в курсах, что у тебя в районе делается? Что еще? А вот что еще, нашего знаменитого художника, друга вице-премьера Российской Федерации, заслуженного деятеля искусств России Виктора Алексеевича Дрожжина у вас под носом ограбили. Да-да, первая дача под горой. Он попросил меня срочно, слышишь,

Игнатов, срочно вызвать бригаду!

Горин подмигнул Дрожжину и продолжал:

– И вот еще, Коля, уйми своих дагестанцев. Они рядом со мной на Басурманке запруду сделали и причал. Тоже мне ушкуйники! На мое законное место понаехали. При мне эти черножопые дальше баранов и коз срать не ходили, а ты их распустил, полрайона скупили. Стоило мне на месяц уехать, они пристань на реке построили, снуют здесь на лодках мимо наших участков, словно вынюхивая что-то. Прошу тебя, Коля, останови эту Золотую Орду, поговори с братом Байсурова, старого Саида надоумь – он у них в главных, я его внуков спасал от кутузки в свое время – пусть не гневают Бога. А то я им всем найду управу, глаз на ж…пу натяну! Спасибо,

Коля! Что? А, что украли у Дрожжина? Картины? Кажется, нет. А вот я ему дам трубку, он тебе и скажет. Виктор Алексеевич, – Горин протянул свой мобильный Дрожжину, – с вами хочет поговорить Николай Иванович Игнатов. Начальник полиции интересуется, что у вас случилось.

Дрожжин взял трубку и сбивчиво стал перечислять, что у него украли и предположительно когда по времени все это произошло. В свою очередь, Игнатов известил, что бригада вскоре выедет, и строго наказал не затаптывать следы в доме, чтобы не помешать работе следователей.

– Начальник сказал, что бригада скоро приедет. Требует, чтобы не следили здесь, – прокомментировал Дрожжин разговор с Игнатовым.

– Правильно сказал, – подхватил Горин, – пойдите к соседу, выпейте на радостях, что пожалели вас и не забрали картины, а наши ребята займутся делом. Не беспокойтесь, не все еще потеряно. А париться можете в моей бане, там все есть. И даже бар с хорошим выбором спиртного.

Горин вытащил связку ключей и, отцепив один, положил его на стол.

Дрожжин в знак благодарности молча кивнул головой.

– Не исключено, что это кто-то из этих дикарей, – поднимаясь с кресла, добавил Горин. – Картины им не нужны, а вот бытовуху продать можно быстро. Я сейчас еду с ними разбираться. Хотите потом на шашлык, ко мне туда, на запруду? Я за вами машину пришлю, чтобы не заблудиться. У меня катер, можно порыбачить. Действительно, ну что среди этого бедлама торчать! Игнатовцы приедут – разберутся. Попросите Тольку и Женьку – детей Галины – тут убрать, а вечером вернетесь.

– Спасибо, но не могу. Надо еще со страховым агентом встретиться.

Как-нибудь в другой раз, Миша.

– А со мной когда? – подала голос долго молчавшая Богатова. – Надо же закончить этот портрет. Следующего ограбления я не выдержу.

Она кокетливо улыбнулась, подошла к Дрожжину и добавила:

– Вы молодец, прекрасно держитесь, такое впечатление,

что все это вас развлекает. Надолго приехали?

– До конца августа.

– Тогда назначайте сеанс, надо же закончить наш шедевр. Мне не терпится похвастаться моим девчонкам из ансамбля. Соберем гостей у Миши и отметим. Договорились?

– Хорошо, через пару дней позвоните мне.

– А разве я вам свой телефон не дала?

– Нет.

– И не надо! – пробасил Горин. – Так целее будешь!

Богатова шлепнула Горина по губам и весело закончила:

– Ну что ж, пусть будет так! Я буду к вам напрашиваться в гости. Тогда до свидания.

Она незаметно от Горина сверкнула на Дрожжина глазами, протянула руку с такими же красными, как платье, ногтями и пошла к машине, аккуратно вышагивая и зная, что в это время ей смотрят вслед.

Горин тоже заторопился и на ходу еще раз предложил:

– И все-таки приезжайте ко мне на запруду, Виктор Алексеевич. Не пожалеете. Мы с ночевкой остаемся. У меня там чудесный гостевой домик, прямо на берегу.

– Не обещаю, Миша. Только в самом крайнем случае, если все здесь утрясу. Договорились?

– Ну хорошо, будь по-вашему, договорились, – согласился Горин.

Они пожали друг другу руки, и Горин побежал догонять свою красавицу.

– Вот человек, приехал, увидел – и сразу все завертелось, – восхищенно заговорил Валерий.

– Да, у него характер командира. Я когда в армии был, у нас командир полка был похож на этого Горина. Так вдохновенно приказывал, что стыдно было не выполнить. Полк наш был на особом счету, до этого Афган прошел. Я-то служил, когда его слава уже потускнела, вот только полковник Николаев остался. Зато и ценили его ребята. Когда надо было остатки армии защищать, к начальству шел с таким остервенением, что те старались с ним не связываться – ни мало ни много Герой Советского Союза. Это сейчас опомнились, поняли, что армия нужна, а тогда ведь, сами знаете, за копейки служили. Так были зацелованы Америкой, что армия казалась пережитком.

– Слушайте, Виктор Алексеевич, а ведь вам сейчас для восстановления хозяйства тоже нужны деньги, не так ли?

– Конечно! У меня и дочь просит взаймы. Условно, разумеется. И что вы предлагаете, Валерий? Хотите занять?

– Зачем же, могу купить картину, и не одну.

– Да ну? И какие же?

Валерий прошел в гостиную и, разглядывая расположенные на стене картины, стал указывать на те, которые готов купить.

– Вот, к примеру, я бы приобрел портрет Владимира Высоцкого в роли Гамлета. И что-нибудь еще: вон тот замечательный пейзаж с березами и еще вот эту полуголую натур-

щицу… Вот, пока все! Сколько назначите, столько и заплачу. Как говорится, за ценой не постою.

Виктор Алексеевич повнимательней посмотрел на соседа: шутит он или на самом деле намерен купить картины – и вдруг, махнув рукой, предложил условие:

– Хорошо, покупайте. Только давайте так, по-товарищески: не хочу прослыть обдиралой. Сколько даете за эти три работы?

Валерий посмотрел еще раз на портрет Высоцкого, на понравившийся пейзаж и красавицу-натурщицу и, так же махнув рукой, объявил:

– Полтора миллиона рублей хватит?

Виктор Алексеевич вскинул брови, прищурил один глаз – с вопросом, верить или не верить, – но тут же протянул руку и согласился:

– Давайте, коли не шутите!

– Можно забрать? – спросил Валерий.

– Можете, конечно. Но тогда хотя бы скажите, когда я эти деньги получу.

– А сейчас и получите. Нам же приказали здесь не топтать, не заметать следы. Пройдемте ко мне, и я вам отдам полтора миллиона.

– Вы что, деньги на даче держите?

– А вы предпочитаете в банке?

– У меня все в наличных, – улыбнувшись, ответил Виктор Алексеевич.

– А у меня все в сейфе, а дача под охраной. Слышали о такой компании – «Гольфстрим»? Так вот, они по тревоге за пятнадцать минут приезжают – проверял. Пойдемте ко мне, из моих окон ваш участок как на ладони. Приедет полиция – вернетесь к себе.

Они сняли со стены картины и не торопясь пошли мимо заросшего участка Горина к роскошному особняку Валерия.

* * *

Начальник полиции Игнатов – щуплый, ушастый, похожий наЧебурашку подполковник – ненавидел Горина. Ему часто приводили Горина в пример и как хорошего руководителя, долгие годы поддерживающего в районе порядок и как делового человека, сумевшего после отставки стать успешным бизнесменом. Поэтому, когда Горин потребовал у нового начальника полиции вмешаться по поводу дагестанцев, без разрешения построивших рядом с его запрудой пристань, первое, что сделал Игнатов, – это позвонил хозяину рынка, брату известного предпринимателя Байсурова и… наябедничал. В конце Игнатов добавил, что Горин направляется на реку качать права, и не исключено, что едет не один, а с друзьями.

– Вам бы послать туда кого-нибудь, чтобы пристань и лодки были под охраной. И еще, – тихо зашептал Игнатов в трубку, чтобы даже секретарь не слышал, – Горин меня про-

сил с вами разобраться, так что я вам звонил и просил не раздувать кадило, а по-хорошему договориться.

Они попрощались, а Байсуров тотчас позвонил старику Саиду, доложил ситуацию и долго выслушивал от «главного мюрида» инструкцию, которую следовало выполнить.

Отправив своего помощника, рябого и неопрятного дагестанца по кличке Терка собирать ребят, Байсуров прикинул, что если действовать по предложенному стариком Саидом плану, то беды не избежать, и решил вместо себя послать на реку со своими дагестанцами еще двух русских охранников, бывших борцов и отпетых уголовников.

Вскоре все собрались, и, получив инструкцию, вся компания с разными задачами, но единым планом поехала на двух машинах на реку. Двое русских получили особое задание, поэтому захватили с собой оружие. Оба были взвинчены и для уверенности ширануты.

В это время Горин уже прибыл на место. Он не был здесь по причине гастролей своей подруги в Иркутске целый месяц, и, увидев перед своей запрудой новую пристань, сделанную без согласования, пришел в такую ярость, что чуть не задушил единственного охранника этой пристани. Это был малый лет семнадцати, который здесь с пристани ловил рыбу и за небольшую плату охранял этот «новострой». Богатова с трудом оттащила своего бугая от мальчишки и, усадив в небольшом домике за стол, стала угощать захваченными с собой продуктами. В ход пошел десятилетний армянский

коньяк и виски, балык, икра и даже омуль. Мясо, приготовленное на шашлыки, издавало чудесный запах свежего продукта – наперченного и настоянного в мякоти киви. Горин разделся, дважды искупался, выпил еще, и постепенно в нем заиграло ретивое.

– Это же надо, как они распустились, – говорил он Татьяне, которая сновала между столом и мойкой, приготавливая овощи к салату. – Раньше, при мне, эти засранцы четверть районного рынка держали под контролем, а теперь – все восемьдесят, – возмущался он, все время посматривая на ненавистную пристань, к которой вдобавок были пришвартованы три новые лодки. – Я этого Игнатова в бараний рог согну, если он этот Вавилон не снесет.

Горин был в плавках, сидел в кресле, закутанный большим красным полотенцем с черным абрисом тигровой морды, и походил на японского борца сумо, готовящегося к бою. Дважды он еще звонил Игнатову, но секретарь строго отвечал, что начальник РУВД занят – идет совещание. Как ни кричал Горин, что это звонит он – полковник Горин, ответ был один и тот же: «Не положено! Игнатов занят!» В какой-то момент чаша его терпения переполнилась, он вскочил, откинул кресло и ринулся в сарай. Отперев дверь и яростно бросив в сторону замок, он достал бензопилу, одним рывком завел ее и ринулся с этим «оружием» к пристани. Сваями у пристани были деревянные электрические столбы, повсеместно замененные в районе бетонными. Да-

гестанцы собрали этот бесхозный и не убранный электриками материал и на нем возвели великолепную пристань с небольшим домиком посередине. Затем наняли сторожа – семнадцатилетнего еврейчика Гошку, жившего неподалеку, пообещали ему, что он будет к восемнадцати годам директором ресторана, и практически стали контролировать реку. Вскоре они за бесценок начали скупать рыбу, продавать русским рыбакам паленую водку, доставлявшуюся им из Осетии, и даже предлагали шашлык, который готовили прямо на берегу в длинных, наскоро сваренных из металла мангалах. Итак, ресторана еще не было, но весь уклад и способ организации поречного пространства давал понять, что вскоре здесь будут большие дагестанские палестины и откроется еще одна точка заработка этого смелого, надо заметить, непьющего, предприимчивого народа, быстро осваивавшего пространство ослабленного, спивающегося с круга и вымирающего русского народа. Таким образом, не получив правового статуса, однако на основании теории Адама Смита о том, что свобода каждого человека действовать в своих экономических интересах обеспечивает благодаря «невидимой силе» максимальный экономический выигрыш для общества, эти пришельцы организованно захватили берег реки и готовились сделать здесь прибыльный бизнес. Никому из местных русских это не могло бы и прийти в голову, потому что река всегда была общим богатством, не пришло это в голову и китайцам, производящим неподалеку сельхозпродук-

ты и арендующим здесь огромную территорию, так что их теплицы издалека казались разливанным морем, а вот Байсурову и его команде это пришлось по вкусу, и, заручившись негласной поддержкой начальника полиции Игнатова, получившего за это приличную сумму, пристань стала фактом речного хозяйства. До ресторана оставался один шаг, и на этом пути неожиданно возник Горин.

Он был в одних плавках, могучее его тело рухнуло в воду, и, держа над водой наперевес бензопилу, он ринулся к пристани, отмахиваясь от пытавшегося его остановить еврейчика Гоши. Найдя место между водой и ближайшим столбом, прочно вбитым в дно реки, он вскинул бензопилу над головой и на вытянутых руках стал пилить первый столб. Он поддался, и тогда Горин принялся спиливать подряд все столбы и крепления между ними. Казалось, что какое-то громадное речное чудище, чертыхаясь, скрипя зубами и непрестанно разбрасывая тучу брызг, борется с чудовищем, нагло, без приглашения приплывшим на не свою территорию. Сила у Горина была столь велика, что пристань вначале заходила ходуном, стала от быстрого течения сползать со спиленных столбов и наконец шлепнулась в воду, разбросав всюду брызги. Из-за металлических креплений, к которым были прикреплены перила, пристань не смогла удержаться на воде и медленно стала погружаться; лодки, причаленные к ней, тоже потянулись за веревки под воду и, упершись носами в дно, встали стояком, как громадные поплавки.

Река Басурманка была быстрой, рыбной и прохладной. К середине лета она мелела, но оставалась красивой, берег, заросший ивняком, невысокой осокой и стрелолистом, тянулся извилисто и притягивал в эти места не только рыбаков, но и художников. Рыбаки делали в камышах на заиленном грунте широкие прогалины и держали в ивняковых зарослях разные приспособления: рогатины, металлические усики-поддержки, чтобы ставить на них удочки. Горин любил здесь рыбачить и знал и уважал тех, кто рыбачил в этих местах. Вот почему бесцеремонное вторжение в дорогое для него и его друзей место было не только противозаконно, но выглядело вызовом устоявшимся здесь десятилетиями правилам. Он прикинул, как к его поступку отнесется местное рыболовецкое братство, и решил, что большинство его поддержит.

Он вернулся к себе в домик и, скалясь золотыми фиксами, торжественно заявил Татьяне, что дагестанский «Титаник» пошел на дно. На этих словах он достал новую бутылку виски и, разлив ее по стаканам со льдом, провозгласил тост:

– За справедливость на просторах России!

Несмотря на то, что Татьяна привыкла к тому, как ведет себя Горин, из-за его принадлежности к бывшему милицейскому сословию, ей всегда казалось, что его поступки находятся в рамках каких-то неведомых ей законов. Но увидев, что он за считаные минуты снес чужую пристань, к тому же принадлежавшую кавказцам, она не на шутку испугалась.

– Я под такие тосты пить не собираюсь, – с вызовом сказала она. – Ишь, расхвастал! Справедливость в России так не устанавливается.

– А как она устанавливается, когда законы не работают, – горловым звуком закричал уже сильно захмелевший Горин. – Я же при тебе сто раз ходил за справедливостью! И что? Меня послали на х…!

После потопления пристани, он расслабился, и хватило полстакана виски, чтобы он быстро опьянел.

– Посмотри на этих управленцев. Что ни лицо – все выродженцы.

Разве можно управлять экономикой такой страны с фамилией У-лю-ка-ев! – Горин нарочно по слогам произнес имя известного экономиста, скорчил рожу и, словно с горя, тотчас выпил еще виски.

– Конечно, кое-что делается, от пропасти отошли, но ведь идем черепашьим шагом. Дали по ж…пе санкциями – зашевелились. Вмешается президент, вроде все как по мановению волшебной палочки преобразится. Но ведь это ручное управление. Он голову в сторону – воруют у него под носом. Раньше, при мне, здесь был порядок, уважение ко всем народностям… Но ведь и ворье знало меру, а теперь все сорвались с колков, терзают эту страну за все сиськи. Уму непостижимо, как распустились. Нет, Таня, по-другому с ними нельзя, они признают только силу. Нам такая демократия боком обходится. Народ бессильным становится, рот открыть

не может. А эти тати пользуются этим и живут припеваючи.

– Горин, ты не президент, и так ручное управление не осуществляется.

Она посмотрела в окно, где на месте потонувшей пристани метался еврейчик Гоша. Мальчишка так испугался, что с него потребуют возмещения ущерба, что то и дело дрожащими руками и срывающимся голосом периодически звонил и объяснял случившееся то маме с папой, то полицейским, которые внезапно стали доступными, а то знакомым дагестанским друзьям на рынок.

– И что ты теперь будешь делать, если они сюда нагрянут?

Стоило только произнести это Татьяне, как неподалеку от пристани остановились две машины и из них, как мячи, стали выскакивать люди. Приехало человек шесть. Увидев, что пристань потоплена, а лодки кормой торчат из воды, приезжие стали дергать вопросами вконец очумевшего Гошу. Тот рукой показывал на домик Горина и, захлебываясь, рассказывал, как все случилось. Даже своими худыми длинными руками пробовал сымитировать, как Горин бензопилой резал столбы и как пристань пошла на дно. Двое из приехавших разделись, чтобы вытащить лодки, но тут одному из них позвонили, и он остановил тех, кто бросился в воду.

В этот момент Горин еще раз торопливо позвонил в полицию и, вновь получив отказ в разговоре с начальником полиции Игнатовым, стал быстро одеваться. Ему вспомнилось суворовское: «Кто напуган – наполовину побит». Он засунул

за пояс всегда находившийся с ним пистолет, спрятанный во вместительной барсетке, достал из небольшого шкафа кастет, решив, что может пригодиться и он. Посмотрев еще раз в окно, он сосчитал количество прибывших налетчиков.

– Шестеро против одного, – картинно заявил он. – Ну что ж, посмотрим!

Увидев вконец опрокинутое и отчаявшееся лицо Татьяны, он вдруг лихо встряхнул руками и, ударив ими о коленки, запел:

Угол Дерибасовской, угол Ришельевской
В восемь часов вечера облетела весть:
У столетней бабушки, бабушки-старушки,
Шестеро налетчиков отобрали честь.
Гоц-тоц перевертоц, бабушка здорова,
Гоц-тоц перевертоц, кушает компот,
Гоц-тоц перевертоц, и мечтает снова,
Гоц-тоц перевертоц, пережить налет.

– Ну как? Возьмешь меня на следующие гастроли в бэк-вокал?

Он направился на выход, но Татьяна перекрыла ему дорогу, встав перед ним грудью.

– Миша, прошу тебя, не надо. Умоляю! Не ходи туда. Посмотри – их шесть человек. Да ты еще выпил. Сейчас будет шашлык, сядем, все будет нормально… Давай, Мишенька, по закону – дозвонись Игнатову.

– По закону, Татьяна, в нашем гадюшнике никак не получается.

Он резко отодвинул ее рукой и стремительно вышел наружу. Надев незаметно в кармане на левую руку кастет и проверив сзади за поясом оружие, Горин прошел на видное место. Несколько секунд он постоял, внушая своей решительностью и видом страх налетчикам, и вдруг затянул еще один куплет песни, которую в разных вариациях напевали ему уголовники, в свое время сидевшие у него в КПЗ.

Бабушка вздыхает, бабушка страдает,
Потеряла бабушка и покой и сон.
Двери все открыты, но нейдут бандиты.
Пусть придут не шестеро – хотя бы вчетвером.

Приехавшие «налетчики», увидев направлявшегося к ним Горина, сдвинулись от реки ближе к сараю, в котором хранились инструменты и оставленный после строительства пристани стройматериал.

Гоша быстро рассказал, что Горин приехал с какой-то бабой и что в его домике, кроме него и певицы, никого нет. Маневр всей компании приблизиться к сараю был не случайным. Возле сарая было место, где высоким кустарником перекрывалась всякая видимость.

Но этот ход Горин не просчитал. Впрочем, он и не думал, что ему придется долго возиться с этим сбродом. Сбродом он их назвал еще и потому, что среди приехавших людей по-

мимо дагестанцев были двое русских. Правда, их он не знал.

«Видимо, из залетных, нанятых на черную» работу», – решил он, медленно подходя к приехавшей компании. Подойдя ближе, Горин узнал одного из дагестанцев – видел его на рынке, он в группе был за старшего. К нему он и направился.

– Вон ты, ты, ты, – обратился он к тому, кого узнал. – Я тебя видел, ты с Центрального рынка. Так вот, передай Саиду, чтобы на речке больше его люди ничего не строили. Не положено! И при Советах нельзя было, и сейчас не положено.

– А зачем ломал? – вдруг встрял русский. – То, что ты бывший мент, не дает тебе права здесь командовать. Ты имеешь право только своей бабой командовать, а не нами.

Последняя фраза, зацепившая достоинство Татьяны, которую Горин считал своей гражданской женой, словно полоснула его ножом.

– Засунь язык в задницу! – заорал он хриплым прокуренным голосом. – Вы, я вижу, нормального языка не понимаете, тогда я с вами по-другому поговорю.

Он бросился к обидчику и, выхватив пистолет, на бегу выстрелил в воздух. У самого края сарая лежали концы спиленных электрических столбов. Они были не прибраны и брошены с белевшими изоляторами и остатками проводки. Один столб как раз лежал на пути бега Горина.

Столб он заметил и на ходу его перепрыгнул, но не увидел лежащую на земле проводку и, зацепив ее левой ногой, стал падать прямо в сторону налетчиков. Один из них, это был

второй русский из этой компании, рванулся к упавшему Горину и с размаху ударил его по голове, примерно так же, как по мячу бьют одиннадцатиметровку. Голова Горина подскочила и шлепнулась как подкошенная. Он мгновенно потерял сознание. Увидев в таком состоянии грозного мента, компания оживилась и стала галдеть, переходя с плохого русского на дагестанский. Этот галдеж, однако, продолжался недолго: главный из дагестанцев кому-то позвонил и начал торопливо и перепуганно рассказывать о том, что случилось. Получив инструкцию, дагестанец стал решительнее и приказал своим подельникам поднять тяжелое тело.

Они пронесли его несколько метров и с силой бросили на столбы.

Для верности тот, кто бил ногой, поднял голову Горина и еще раз ударил ее прямо о белый изолятор на столбе, по которому темной струей сразу брызнула кровь. Один из дагестанцев снял с волос Горина панделку и положил ее в карман. Услышав вдалеке крики Татьяны, главарь дагестанцев начал быстро наставлять Гошу, что ему надлежит в дальнейшем делать и говорить. Он показывал на лежащего Горина и повторял одно и то же:

человек налетал с пистолетом… Понятно? Упал головой… Сам! Понял? Са-а-м!! Никто его не трогал. Наш телефон не работает… Поехали звать врача… Звать полицию…

Гоша кивал головой и старался запомнить, что надо врать, когда приедет скорая помощь и полиция. К этому времени

вся компания уже расселась в кабинах, и, подхватив на ходу главаря, машины развернулись по старому следу и стали быстро смываться с места преступления. Гоша остался один рядом с умирающим Гориным. Он проклинал все на свете: свою так и не состоявшуюся карьеру директора ресторана, пагубную страсть получать легкие деньги, а главное, что теперь его имя будет у всех на устах в связи со смертью ни в чем не повинного человека. И еще: он не знал, как все объяснить маме, которую боялся пуще, чем отца. Вид его красивого еврейского лица с густой слипшейся шевелюрой был похож на манекен, все черты сделались восковыми, а тело дергалось в судорогах.

В этом состоянии его и застала Татьяна. Увидев валявшегося на земле Горина, она вскрикнула и бросилась переворачивать его на спину. Лицо у него было уже вспухшим, один глаз затек, но, кажется, он еще дышал.

– Миша, Миша… – начала кричать она и, повернувшись к Гоше, повторяла: – Звоните в скорую! Быстро звоните в скорую! Он жив, он еще жив!

Гоша трясущимися руками пытался набрать номер, но у него ничего не получалось, руки дрожали, как в лихорадке. Тогда Татьяна выхватила у него мобильный и стала сама вызывать скорую. Но вместо скорой на берег с воем сирены примчались две полицейские машины во главе с начальником РУВД Игнатовым. Начальник, сделав несколько демонстративных кругов вокруг лежащего без сознания Горина,

выслушав показания Татьяны и Гоши и, дождавшись скорой, вскоре уехал по срочному звонку, оставив вместо себя капитана Казанца.

* * *

Как только Валерий отсчитал в красных купюрах полтора миллиона рублей, раздался звонок в ворота. На въезде стоял внедорожник фермера и бизнесмена Александра Кремнева. Местный народ звал его любовно «червячок». Он и фамилию имел корневую – Кремнев, происходила она от соснового кремя – засеки, где растет лучший строевой лес. Занимался он выведением какого-то симпатичного и занятного червяка, производящего неправдоподобно качественное удобрение. Звали его Александр Михайлович. Он нередко заезжал к Валерию в разное время строительства дома и завозил для него рассаду редких цветов и качественные сорта огурцов и помидоров для теплицы. Валерий скомандовал Виктору Алексеевичу убрать деньги и разлить спиртное (они собирались спрыснуть покупку картин) и направился к кнопке, открывающей ворота.

Кремнев был уже в возрасте, но держался молодцевато и был, по общему мнению дачников и аборигенов, положительной достопримечательностью района. Походил он на старого боксера: у него была короткая стрижка, седые как у ежика волосы, сплющенный нос и низкая посадка плеч,

упругие короткие ноги. Однако когда он улыбался, да еще начинал рассуждать по какому-нибудь достаточно интересному и важному для всех вопросу, люди тотчас проникались к нему доверием, и это доверие он всегда оправдывал. Местный народ с ним советовался, многим он помогал и был всеобщим любимцем, хотя и давал повод беззлобно пошутить насчет его червячного бизнеса.

Но сегодня Кремнев был явно не в себе. Увидев Дрожжина, он растерялся, но сдержался, не подав виду. Дрожжин о Кремневе слышал, но с ним знаком не был. Знал, что «червячок» занимается бизнесом. Однажды видел его на собрании, когда кремневские (так звались дачники этого местечка) собирали деньги на дорогу.

– Здравствуйте, – торопливо поочередно протянул руку Кремнев Дрожжину и Валерию. – Но, вижу, я не вовремя.

– Почему же не вовремя, мы собирались выпить, а третьего нет.

– На троих не получится. Двадцать лет после инфаркта ничего не пью. Так что вы уж сами. А я заеду в следующий раз.

Кремнев собрался было уходить, но Валерий его остановил.

– Подождите, Александр Михайлович, у вас что-нибудь срочное? Тогда выкладывайте. Виктор Алексеевич нам не помешает? – спросил Валерий и уставился на Кремнева.

Кремнев развел руками, и лицо его стало озабоченным и

даже гневным.

– Тут такое дело. Решил я здесь купить небольшой участок бывшего совхоза. Это часть фермы и коровья поильная, там, где родники у совхоза были. Подал документы. Все поначалу шло хорошо, соперников не было. У меня план рыбное хозяйство поднять, никто этим у нас заниматься не хочет, да и не умеет. А я ведь рыбник, по этому профилю учился. Все, казалось бы, нормально. И вдруг появился соперник. Со странной мотивацией: поиск у нас в Кремневке минеральной воды. Денег у него оказалось много. По всей видимости, кое-кого подкупил. За участок тотчас вздули цену, и я, кажется, могу прогореть. Таких денег у меня нет. Но самое интересное, это тот человек, который работал у вас, Валерий Игнатьевич, на строительстве дома. Он, говорят, геолог.

– Полетаев, что ли? – воскликнул Валерий, и его словно передернуло от этой фамилии.

– Да, мне назвали эту фамилию, – подтвердил Кремнев.

– И вы поверили этой туфте, что он хочет здесь заниматься поисками минеральной воды?

Валерий засмеялся и торопливо потянулся к бокалу вина, прежде разлитого для него и Дрожжина. Сделав глоток, он продолжил:

– Во-первых, он нищ, как церковная крыса. Во-вторых, его заявка – полный блеф. Никакой минеральной воды в нашем районе нет и никогда не было. Есть прекрасная родни-

ковая вода, которую провели для водопоя скота еще в благословенные времена совхоза-миллионера. Нет, здесь что-то не то. За ним кто-то стоит, и связано это отнюдь не с минеральной водой.

– Вокруг него крутятся дагестанцы. Может быть, это они за его спиной? – вопросительно проговорил Кремнев.

– Это уже ближе к истине, – подхватил Валерий. – Если это они, вам их будет трудно переиграть. Денег у них навалом. Деньги эти чужие и резиновые.

– Что значит – резиновые? – переспросил Кремнев. – У них что, печатный станок, что ли?

– Им дадут столько, сколько понадобится, чтобы этот кусок отнять у вас. Дезавуировать это можно только при помощи специалистов, которые докажут, что заявка Полетаева несостоятельна. Должен быть документ, что это блеф, никакой минеральной воды здесь нет. Понятно?

– А что же он тогда хочет? – воскликнул Кремнев. – Метро здесь строить?

– Где находится ваш участок? За пустырем? Вернее, он идет сразу за пустующим участком Горина, не так ли?

– Да-да, там есть одно строение… – подал голос Дрожжин. – Я там воду беру. А под горой есть ферма. Бывший коровник. Позже, когда коров не стало, там мастерскую МТС сделали, запчасти держали.

– Занятная история, – отпивая вино, продолжил Валерий. – К Виктору Алексеевичу залезают воры, в одно время

нам звонят и предлагают продать дачи, а вас, Александр Михайлович, практически хотят кинуть, и все это в одном и том же районе. Очень занятно!

У Дрожжина зазвонил мобильный, и он отошел в сторону.

– Это капитан Казанец, – зазвучал металлический голос в мобильном, – к вам едет бригада. К тому же в связи со смертью гражданина Горина вас вызовут в РУВД Ледовска. Поэтому просьба: пока не отлучаться из района.

– Чьей смертью? – переспросил Дрожжин.

– Горина. Есть показания, что бывший начальник РУВД Горин заезжал к вам незадолго до смерти. Будьте на месте.

Мобильный телефон отключился, и, словно по команде, к воротам дачи Дрожжина подъехала полицейская машина.

Дрожжин опустил мобильный, подошел к Кремневу и Валерию, все еще продолжавшим разговор о злополучном геологе Полетаеве, и тихо сообщил:

– Звонили из полиции, приехала бригада. И еще: они сказали, что умер Горин.

Дрожжин минуту постоял с ошеломленными извещенем о смерти Горина Кремневым и Валерием и тяжелым шагом направился к себе на участок.

* * *

Бригада полицейских, приехавших к Дрожжину, состояла из трех человек. Один капитан и две девушки-практикантки

из местного полицейского училища. За рулем был капитан, довольно лихо сумевший поставить машину под ветвистую старую ольху.

Девушки-практикантки прошли в дом с чемоданчиком и стали осматривать комнату за комнатой. Капитан сразу сел за оформление документов. Дрожжин показал ему паспорт и, присев рядом, стал взволнованно излагать свою версию случившегося. Напирал на то, что ограбление довольно странное, картины не взяли, а забрали бытовую технику, полудрагоценный камень и кое-что по мелочам: пылесос, сменные зимние колеса и старый видеомагнитофон. Капитан все это быстро записывал, но с места не двигался, смотреть ничего не посчитал нужным. Было впечатление, что он знает больше, чем нужно, и поэтому молчит. Девушки-практикант-ки сняли около разбитых окон отпечатки пальцев, внимательно изучили содержание картин и только после этого доложили так и не двинувшемуся никуда с места полицейскому, что особых следов не обнаруживается, по всей видимости, работали профессионалы. Повернувшись к Дрож-

жину, они учтиво проронили, что терять надежду не стоит, будут взяты под контроль рынки, скупки, толкучки, и если появится похожая техника, люди будут задержаны и, конечно, наказаны. Дрожжин, глядя на это сугубо формальное, казенное отношение к его дому и ко всему случившемуся, не выдержал и заговорил горячо и обиженно:

– Раньше, при Советской власти, такого воровства не бы-

ло. И раскрытие подобных преступлений было стопроцентным.

– Была другая жизнь, – не отрываясь от составления протокола, ответил капитан.

– Какая другая, социалистическая, что ли?

– Да, именно она. Другое сознание было. А сегодня, совсем не то.

– И чем же оно отличается, это «не то»?Чем оно другое? – все больше заводясь, спрашивал Дрожжин.

– При Советской власти главным было духовное развитие народа, много внимания уделяли идеологии, а сегодня у многих вместо сознания в голове только комфорт, деньги, уровень потребления… Сегодня государство – чем занимается? – спросил капитан и тут же сам себе ответил: – Государство у нас преимущественно сырьевое, мы поставляем нефть, газ, занимаемся эксплуатацией своих недр, а тогда наибольшее значение придавалось дружбе народов, помощи развивающимся странам – Китаю, Вьетнаму, Индии.

Конечно, и сегодня мы не одни. У нас есть БРИКС, ШОС… Правда, иногда недалеким людям приходится объяснять пользу этих организаций. Вот, к примеру, моя соседка говорит, что этими названиями, как страшилками, только детей пугать, но на черный день, когда сегодня введены санкции из-за этой гребаной Украины, и они полезны. На безрыбье, как говорится и ж…па соловей.

– А чем это вам так Украина не нравится? Выговор-то у

вас еще тот…

– Хотите сказать, хохлацкий? Поэтому и не нравится, что я этот самый…

– Я ведь не о БРИКС вас спрашиваю, – не унимался Дрожжин, – вы мне объясните, товарищ капитан, почему с воровством вы справиться не можете?

Капитан вдруг отодвинул протокол, встал во весь рост и громко и отчетливо выдал:

– Разучились без воровства жить и работать. Вот почему, уважаемый товарищ художник.

Капитан подошел к окну, посмотрел на примятую «трассу», по которой тащили сворованные у Дрожжина вещи, и уже тихо добавил:

– Прошляпили свое счастье, теперь не вернешь, не догонишь… Вон Китай куда ушел, а мы… Да что там говорить! Ладно уж! Все это пустые разглагольствования. Скажите, Горин у вас трезвым был?

Дрожжин не ожидал такого поворота в разговоре и с досадой выпалил:

– При чем тут Горин, не понимаю! Он заходил ненадолго со своей знакомой. И тотчас уехал на реку. Ничего мы не пили. Нам не до выпивок было. Он, кстати, вам и звонил, говорил с вашим начальником.

– Да, он говорил с Игнатовым, который нас направил к вам. Но что касается его знакомой, то вы ошибаетесь. Это как бы его гражданская жена. Горин оформил на нее дар-

ственную. Она теперь ваша соседка. Вот этот участок, что рядом с вами, принадлежит певице Богатовой.

– Откуда вы это знаете? – оторопел Дрожжин.

– Имеем оперативную информацию. Только что снимал протокол на реке. Поэтому задержались. Документы уже у Игнатова.

– А что там случилось? – спросил Дрожжин. – Я слышал, его дагестанцы чем-то вывели из себя. Он отсюда по телефону Игнатову об этом говорил.

– Неприятная истории, – вычитывая написанный протокол, бросил капитан. – Будем разбираться, кто больше в этом случае виноват… Дагестанцы самозахват сделали, а полковник превысил полномочия, в результате разбился насмерть. Вот вам Игнатов повестку приказал передать.

Капитан достал из папки повестку и передал ее в руки Дрожжина.

– В понедельник к девяти утра приезжайте в наше отделение. А по вашему делу будем работать. Имущество застраховано?

– Да, застраховано, – каким-то поникшим голосом ответил Дрожжин. – Это хорошо! Все-таки будет возмещение. Ну, мы поехали. Если перечисленные вами вещи где-нибудь всплывут, поставим вас в известность. Вот, распишитесь на прощание.

Капитан протянул протокол, и Дрожжин всюду, где следует, поставил свою подпись.

Когда полицейская машина уехала, Дрожжин достал мобильный, чтобы позвонить Богатовой, но вспомнил, что, как назло, ее телефона у него нет. Тогда он кое-как прикрыл входную дверь, сел в свой «ситроен» и поехал в сторону дома Горина, находившегося, по его расчетам, в средней части дачного поселка.

Он ехал и думал, как все-таки несправедлива и коварна жизнь. Еще три часа назад Горин был у него, приезжал с красивой женщиной, излучал мужество и уверенность, казалось бы, вся жизнь была впереди, а сейчас – его нет, он мертв, а он, Дрожжин, почему-то сразу после его смерти хочет немедленно видеть его гражданскую жену и готов во что бы то ни стало ей помочь. Взял даже крупную сумму денег, если они в этой ситуации ей понадобятся. Он вспомнил неоконченный портрет и подумал, что выражение соболезнования своей клиентке – вполне достаточный и благопристойный повод для встречи. Но тут же осек себя: «Да полно тебе,

Дрожжин – притворяться, ведь не в ее портрете тут дело. Признайся хоть себе, что ты давно влюблен в эту женщину и сейчас хочешь быть рядом с ней и хоть чем-то ее утешить.

С другой стороны, – думал он, – своим появлением, я даю ей понять, что в этой ситуации такая помощь, нечто больше, чем соболезнование.

Татьяна – очень неглупая, она сразу поймет, что мое появление – это предложение как бы о рокировке одного мужчины на другого».

Проехав в центр поселка, он спросил у одного из местных дачников, где дом Горина, и поехал в указанном направлении. Выйдя из машины, он обошел высокий, наскоро построенный деревянный забор, долго звонил, а потом громко стучал – никто, кроме басовитого, ухающего тяжелым одиночным лаем пса, не откликнулся. Странно, но почему-то именно сейчас, стоя перед запертыми дверями, он вспомнил одну евангельскую заповедь, которую вычитал сразу после развода со своей Равелей: «Кто разведется с женою своею и женится на другой, тот прелюбодействует от нее; и если жена разведется с мужем своим и выйдет за другого, прелюбодействует». Однако он тут же сделал себе лазейку: «Если каждой заповеди следовать как закону, то жизнь покажется сплошным наказанием». Он направился к машине, но со спины его окликнули. К нему на костылях угловато, но быстро ковылял какой-то пожилой мужчина. Лицо его было морщинистым, испитым, а глаза водочными и источавшими подозрительность.

– Ну, чего расшумелись? Нет больше Горина. На днях в Ледовске похороны. Я здесь приставлен кормить собаку. – Он достал из затертых портов связку ключей и почему-то потряс их перед носом Дрожжина.

– А кто приставил? – как можно безучастней спросил Дрожжин.

– Известно кто! Хозяйка, жена Горина.

– Татьяна, что ли? – вырвалось у Дрожжина.

– Какая Татьяна! Татьяна ему не жена, она полюбовница. А жену звать Марина. Она сразу, как Мишка умер, по мне, так его там просто укокошили, вошла во владение!

– Почему вы так решили?

– Врагов у него было много. Невоздержан был, думал, что он все еще хозяин района, вот ему и показали, кто тут главный.

– И кто же тут главный?

– Не я и не вы, а другие национальности.

Он осклабился и на секунду замолчал.

– Но я не об этом. Марина приехала, собрала вещи этой вашей Татьяны, певицы, значит, и сложила в прихожей. Мне велела, когда эта дама прибудет, все ей вернуть и проследить, чтобы лишнего не забрала.

– Так Горин с женой, кажется, разведен.

– Разведен-то разведен, но дача записана не на него, а на Марину.

Этот участок ее, а тот, под горой, где вы изволите жить, горинский участок.

– У меня картина, которую я должен передать Татьяне Богатовой, не знаю, что теперь с ней делать! У вас нет ее номера телефона?

– Нет, я с ней не ладил, она меня на все корки отделывала. Но когда она явится забирать вещи, я ей скажу, что вы приезжали и говорили о картине.

– Спасибо. А когда все-таки Горина хоронят? – еще раз

спросил Дрожжин.

– Кажется, послезавтра. Татьяна этим занимается. У нее связи в Ледовске, поэтому Марина все ей предоставила.

– Интересно, – в первый раз открыто возмутился Дрожжин, – хоронить так полюбовнице предоставили, а вещи ее на всякий случай выставили, да еще велели следить, чтобы лишнего не забрала. Хорошенькое дело! Очень мило!

– У баб в таких случаях справедливости нет. Тут законы работают. Но от себя добавлю: Марина замечательная жена и всю жизнь к Горину относилась по-человечески. А он – другое дело, в нем бес жил двужильный, и бес его подставил. На этом все – добавить мне нечего. Если хотите, дайте ваш телефон. Я передам.

– Нет, не надо. Мой телефон у Богатовой есть.

– Но сказать, что вы приезжали?

– Как хотите, все равно ведь скажете, – с раздражением ответил Дрожжин и сел в автомобиль. Отъезжая, он повернулся и заметил тяжелый, неприятный взгляд приставленного бывшей женой Горина цербера.

Следующие два дня были какими-то странными, мутными, но в чем-то переломными. Во-первых, Дрожжин уговорил Галину Мельницу помочь убрать дом. Потом без чьей-либо помощи занялся ремонтом всего сломанного и поврежденного: поставил на новые петли дверь, приладил окна, забил новыми досками забор и, наконец, скосил разросшуюся без присмотра траву.

В эти полные трудового энтузиазма дни позвонила дочь и сообщила, что она со своим другом рассорилась, потому что он оказался бабником и сукиным сыном, и что она его застукала в супружеской неверности. Мало того, оказалось, что она на купленной машине «делает турне по России» и едет к нему, по пути выполняя поручение одного московского журнала. Тему она не назвала, потому что хочет, чтобы для папы это стало сюрпризом. По ее подсчетам, дня через два, максимум три она будет в Ледовске. Но верхом абсурдности и нелепости стал повторный звонок, теперь уже риелтора с предложением продать дачу украинским беженцам из Донбасса. Сумма на этот раз была предложена больше, чем прежде. На вопрос, кто эти донбасские беженцы, женщина-риелтор не ответила, сославшись на существующую практику неразглашения имен покупателей до заключения сделки. Когда Дрожжин позвонил соседу и сообщил, что ему вновь предложили продать дачу, Валерий странно засмеялся и тотчас рассказал, что ему тоже был звонок с аналогичным предложением. Правда, сумму давали в несколько раз большую. Сосед был нешуточно взволнован, поэтому предложил срочно повидаться и обсудить сложившуюся ситуацию. К вечеру этого дня они встретились у Дрожжина.

После ограбления прошло уже несколько дней, и сосед Гольцов (Дрожжин наконец обнаружил фамилию Валерия в своей записной книжке) поздравил Дрожжина, торжественно сказав, что дом наконец-то ожил.

Дрожжин заканчивал ужин и пригласил соседа за стол.

– Не хотите ли вы что-нибудь выпить? – спросил он Гольцова. – Я сам пью водку, но у меня есть вино и даже бальзам.

– Давайте водку, но только полрюмки, не более. Я ведь не пью. Математикам противопоказано.

– А Перельман, говорят, выпивает. Говорят, что от премии отказался, чтобы не спиться, – пошутил Дрожжин.

– Сплетни русских завистников. Перельман – математическая машина, он в других эмпиреях летает, чем мы. На него таких наездов не делают.

– Что вы имеете в виду?

– Виктор Алексеевич, я имею в виду только то, что сказал. Шутить по поводу гения грешно! У вас есть оружие?

– Где-то в сторожке есть старое охотничье ружье, но, кажется, нет патронов. А вы думаете, нам придется отстреливаться? – не унимался Дрожжин, видя нешуточную взволнованность своего соседа. – Давайте, Валерий, выпьем, помните эти строки из дворового репертуара: «В нашу гавань заходили моряки и пили за Гарри-атамана».

– У меня детство на застой пришлось. Тогда пели: «Я люблю тебя, жизнь, что само по себе и не ново».

– А хорошие тогда были песни. Убери их, и в нынешней России и песен наперечет останется, – с горечью заметил Дрожжин.

Наконец они выпили и закусили, разделив малосольный огурец на двоих.

– Хотите кусок мяса? – вдруг предложил Дрожжин.

– На ночь не хочу. И так бессонница мучает, просыпаюсь под утро и раньше времени сажусь за компьютер.

– Решаете задачи?

– Если бы!

– Хотите отгадаю, что вас с утра тревожит?

– Ну и что же?

– После недавней чехарды у всех состоятельных людей утро начинается с изучения курса доллара. Угадал?

– Вы знаете, что полковника Горина убили? – выпалил неожиданно Гольцов.

– Слышал, но не верю. Кому понадобилось его убивать? – нехотя ответил Дрожжин.

За прошедшие дни звонка от Татьяны Богатовой он так и не дождался.

И связывал это он со смертью Горина, поэтому эта тема особенно его беспокоила и он старался меньше думать о ней.

– Всякая смерть кому-то нужна, то ли Богу, то ли кому-то еще, – выспренно заговорил Валерий. – В данном случае я знаю кому.

Дрожжин оторвался от остатков наспех приготовленного мяса и уставился на соседа с нескрываемым любопытством.

– Не смотрите на меня так иронически, дорогой Виктор Алексеевич.

Я этот кубик Рубика крутил и так, и эдак. К тому же убежден, что Горину, как и нам, тоже звонили по поводу продажи

участка. И звонили раньше, чем нам.

– Так на его участке ничего нет, кроме маленького домика. Где там жить беженцам из Донбасса? – горячо возразил Дрожжин.

– Вы верите в эту утку? Никаким Донбассом тут и не пахнет. В строительстве Донбасса участвовал мой отец. Олигархов там, кроме Ахмето-

ва, не так много. И потом, зачем им наши Пальмиры, тут живут по корневой, кровной принадлежности. Нам звонили совсем другие, звонили по приказу специальных людей, занимающихся большим бизнесом. И цель у них – заполучить эту землю, а не жилье для многострадальных семей из Дебальцева. И скорее всего, Горин первым отказался и за это поплатился. Это ясно, как божий день!

– Что вы хотите этим сказать?

– А то и хочу сказать, что другого объяснения этим вымогательским звонкам и смерти Горина я не нахожу. Если позволите высказать некоторое приятное предположение, мой дорогой сосед, – следующие на очереди мы с вами. Вот почему я спросил, есть ли у вас оружие.

Впервые до Дрожжина дошло, что этот математик, к которому он относился так скептически, кажется, прав. Если это так, как он предполагает, то действительно придется вооружаться, держаться вместе и встать насмерть. Следом Дрожжину пришло в голову, что надо все-таки обратиться в полицию и сделать это как можно скорее. Но он тут же себя оста-

новил: если эти специальные люди и впрямь могли поступить так с Гориным, то чего им стоит убрать еще два препятствия – его и этого неглупого соседа-математика, который в своих оценках и выводах не далек от истины.

– Однако что же нам делать, если это обстоит на самом деле так, как вы говорите? – сказал вслух Дрожжин.

– Нам теперь следует решить один вопрос. Давеча, еще при вас, ко мне приезжал местный бизнесмен Кремнев, который хочет выкупить здесь неподалеку часть фермы и участок. За этот участок, оказывается, борется еще один человек по фамилии Полетаев.

– Кажется, вы его знаете? – спросил Дрожжин.

– Знаю, он у меня работал за копейки и вдруг решил участвовать в тендере по продаже земли по новому, июньскому постановлению этого года. Откуда, Зина, деньги, спрашиваю я? У него заявка на якобы минеральную воду. Это ложь! Повторяю, никаких минеральных источников здесь нет и никогда не было!

Валерий горячился и от этого покрикивал, беспокойно прохаживаясь перед Дрожжиным.

– Да, вода тут хорошая. Есть прекрасный родник, из которого десятки лет пьют жители этого района. Но если минеральной нет, то, значит, есть что-то другое! Вот почему мы прежде всего должны помочь выиграть тендер Кремневу! Не пустим туда Полетаева с его липой и тогда отрубим голову у этой гидры.

– А как мы докажем, что минеральной воды тут нет? – все больше возбуждаясь и волнуясь, спросил Дрожжин.

– Это легко доказать, есть специалисты. Напишем, попросим, и пришлют комиссию, и этим обеспечим себе крепкий тыл. Тот участок очень важный. Он примыкает к пустырю Горина, а следом я.

В этот момент откуда-то раздался громогласный сигнал автомобиля. Дрожжин бросился к окну и увидел перед воротами белый «фордкроссовер, а за рулем свою дочь.

Ольга вышла из машины, сняла темные очки, огляделась, потянулась и, увидев в окне отца, помахала рукой. Стоявший рядом с Дрожжиным Валерий не удержался, издал некий двусмысленный клекот и восторженно сказал:

– Ну и девочки к вам ездят, Виктор Алексеевич!

– Это моя дочь.

– Дочь? Смотрите, какая красавица! – с восхищением произнес Валерий. – Наверное, замужем?

– Спросите у нее самой, она знает наверняка.

Но тут же, взглянув пристально на Валерия, добавил:

– Кажется, нет.

– Что значит, «кажется»?

– А то и кажется. Я ее давно не видел.

В это время зазвонила его «Нокия», и он узнал голос Татьяны Богатовой:

– Здравствуйте, Виктор Алексеевич, я не звонила, потому что были похороны, а потом срочные гастроли. Что подела-

ешь, живу кое-как, с горем пополам. Я знаю, что вы заезжали.

Она говорила быстро, словно телефон мог разрядиться в любую секунду.

– Да, я заезжал. Хотел предложить помощь, но, к сожалению, не застал вас, – счастливым голосом отвечал Дрожжин.

– Я приехала за вещами и обнаружила, что у меня пропали некоторые важные документы и нет ключей от Мишиной бани. Все это исчезло, пока меня здесь не было.

– Какие именно документы у вас пропали? – насторожился Дрожжин. – Я не могу говорить по телефону. Подождите, я отойду подальше.

Через минуту она снова заговорила, но совсем тихо:

– У меня пропала дарственная на тот участок, что рядом с вами.

Я вспомнила, что Миша вам оставлял ключи от бани. Их у вас не забрали?

– Нет, они у меня на видном месте. Можете взять. Да я их никому бы и не отдал.

– Спасибо, Виктор Алексеевич. Тогда, если не трудно, вы не могли бы заехать за мной и перевезти мои вещи туда? Мне дают недвусмысленно понять, что я отсюда должна убираться.

– Хорошо, через двадцать минут я буду у вас.

Дрожжин быстро снял рабочую одежду и пошел навстречу Ольге, мимоходом завернув к клумбе за цветами. Только

дочь успела выгрузить из багажника чемодан, как рядом с ней появился Валерий.

– Простите, я ваш сосед, зовут меня Валерий, – представился он и потянулся к чемодану.

– Да-да, возьмите этот чемодан. Очень приятно, – улыбнулась Ольга и посмотрела на Валерия тем взглядом, который, как правило, убивал мужчин наповал, – меня зовут Ольга, я дочь Виктора Алексеевича.

Буквально после этих слов появился Дрожжин с цветами. Со словами:

«Здравствуй, дочурка», – он расцеловал Ольгу и вручил ей букет гладиолусов.

– С приездом, моя дорогая. Только ты одна способна на такие подвиги. Пойдем в дом. Это Валерий, наш сосед, – спохватился Дрожжин и повернулся к Валерию, чтобы представить.

– Папа, я уже знаю. Он уже представился.

Она посмотрела на Валерия и улыбнулась так, что тот смутился. Они вошли в дом, Ольга огляделась, быстро обошла все комнаты и, вернувшись, с удивлением спросила:

– Папа, что-то я не пойму, ты говорил, что дом обокрали, но если мне память не изменяет, все картины на месте. Разве только пыли нет. Но пыль, кажется, не воруют.

– Кое-что пропало, дочка, но я уже не хочу на эту тему говорить. Главное, что ты добралась и превосходно выглядишь.

Ольга ловко обернулась на каблуках и, поправив легким движением волосы, сказала:

– Пока я ехала к вам, я соскучилась по комплиментам, так что готова слушать их для восстановления хорошего самочувствия. А наш сосед, может быть, что-нибудь скажет?

От такого обращения светловолосый, даже блондинистый Валерий неожиданно покраснел и сказал, что полностью согласен с отцом.

– Негусто, – без тени смущения заявила Ольга и уставилась на участок и дом Валерия, который в этот момент выглядел самым выгодным образом. На серебристых башенках сияло солнце, а дом походил на средневековый замок, окруженный решетчатым забором, за которым виднелись в этот момент включенные струящиеся фонтаны.

– Это ваше имение?

– Да, это мой дом, – скромно ответил Валерий.

– А почему вы не женаты? – неожиданно спросила Ольга.

– Откуда вы знаете? – Валерий повернулся к Дрожжину с вопросом, не он ли сообщил о его разводе.

– Нет-нет, папа здесь ни при чем. Я даже не знала о вашем существовании. Просто я, Валерий, психолог, от меня трудно что-либо скрыть. У каждого мужчины есть «пристройки», и они говорят больше, чем штампы в паспорте. Но о моей работе после. Что касается вашего теперешнего статуса, то это поправимо. У Джейн Остин есть такой роман – «Гордость и предубеждение». Кстати, он у меня в машине. Я потом дам

вам его почитать. Там есть мысль, обращенная к такому типу мужчин, как вы. Кажется, это звучит так: «Холостяк, если он обладает солидным состоянием, должен настоятельно нуждаться в жене, такова общепризнанная истина».

– Девочка моя, – перебил Дрожжин дочь, опасаясь, что ее занесет. – Мы с Валерием здесь провинциалы, и я ведь тоже как глухарь на току. Поэтому ты не смущай нас, устройся в детской и приготовь нам что-нибудь к обеду, чтобы отметить твой приезд. А я ненадолго отлучусь.

Дрожжин повернулся к Валерию и пояснил:

– Звонила Татьяна Богатова, – он показал Ольге рукой в сторону портрета певицы, – просила перевезти ее вещи на участок Горина. Я обещал приехать. Надеюсь, вы без меня не соскучитесь?

– Папа, так ты пригласи ее к нам на обед. Я слышала о ней. Может быть, она нам что-нибудь споет. Потом, мне нужна конкуренция, я тогда лучше выгляжу.

– Валерий, моя дочь ерничает, не смущайтесь, действительно давайте пообедаем, а после этого вернемся к нашему разговору.

Дрожжин прошел в комнату, надел светлый пиджак, бросил на себя взгляд в зеркало и, прыснув одеколоном на появившуюся за последние дни щетину, стал спускаться к своей машине. Ольга выглянула в окно и крикнула:

– Папа, а цветы?! Эта женщина заслуживает вон тех роз. – Ольга указала на центральную клумбу, где было много крас-

ных роз. – Только осторожно, папа, они колючие.

Она захохотала, но ее слова возымели действие. Дрожжин осторожно сорвал пять роз и, сев в машину, выехал за ворота.

По дороге он вспомнил, как Татьяна пришла на их первый сеанс. Он никак не мог ее правильно посадить. Наконец свет нашли, и она замерла. На ней было длинное платье – не видно было ног. Он об этом сказал. Тогда Татьяна, не стесняясь, подогнула платье и спросила:

– Так хорошо?

Он ответил – да! Но минут десять Дрожжин не мог начать работать. Он смотрел не на загорелое лицо, на котором сияли фонариками синие глаза, аккуратный, привздернутый носик, густые выцветшие волосы, спадавшие почти до плеч, Дрожжин не сводил глаз с ее точеных ног, так бесстыдно ею обнаженных по его первому зову. Татьяна знала, что он смотрит, и ей этого хотелось. Именно в эту минуту что-то замкнулось и стало их тайной.

В следующий раз она пришла в подшитом платье. И опять он долго не мог успокоиться. На третьем сеансе он знал, что влюблен, и решил не торопиться с окончанием портрета и ждать своего часа.

Подъезжая к дому Горина, он увидел ее рядом с тем неприятным Костылем, с которым он беседовал прошлый раз. Татьяна сидела с этим типом на скамеечке, на другой стороне дороги. Он просигналил и подъехал к воротам го-

ринского дома. Татьяна попрощалась с Костылем – так он мысленно прозвал этого типа – и заспешила к машине Дрожжина. Он решил не выходить, тем более с розами, а приоткрыл дверцу кабины и пригласил ее присесть рядом с собой. Версии и предупреждения соседа Валерия не прошли даром, и Дрожжин поймал себя на том, что оглядывается и становится осторожным.

– Как я рада вас видеть, Виктор Алексеевич, – заговорила она взволнованным голосом. – Всю эту неделю я жила как в бреду. Когда убили Мишу…

На этой фразе Дрожжин резко повернулся к ней и с недоумением посмотрел на нее.

– Да-да, они его убили!

– Кто? – сдавленным голосом спросил он.

– Его убили те, кто приезжал на берег. Этот подлец Игнатов и следствие считают, что Миша сам напоролся на электрический столб и, падая, смертельно ударился. Но это неправда! Это ложь! Я видела следы, которые они потом затоптали. Они ему разбили голову, а потом тащили к столбу и имитировали удар при падении.

– Это можно доказать? – перебил Дрожжин.

– У меня нет свидетелей. Этот Гоша, мальчишка-охранник, твердит одно и то же – упал и при падении умер. Я надеялась на Игнатова, которому все время повторяла, что видела, как они его тащили, но он с ними заодно. Они ему платят, как теперь говорят, за крышевание, и сделать тут ничего

невозможно. В полиции даже дело не сочли нужным завести, все в один голос говорят одно и то же: набросился на них с пистолетом, стрелял, но не попал. А стрелял он всего лишь в воздух, чтобы остановить их. Когда я подбежала, он еще дышал.

– Скорую вызывали?

– Скорая приехала через сорок минут. Миша на жаре стал распухать, голова сделалась синей.

– Ну и что скорая? Они хоть зафиксировали травмы, несовместимые с жизнью? – спросил Дрожжин.

– Ничего подобного. Игнатов буквально продиктовал им, что надо писать. Я все-таки напросилась в скорую, и мы отвезли его в морг, в Ледовск. Потом были похороны: я нашла хорошее место, договорилась о поминках. С его стороны были бывшая жена Марина, его брат Юрий и сын Сашка. Недолго побыла его старушка мать – Елизавета Игнатьевна, но ей стало плохо, и ее увезли на такси. Потом были поминки. Слава богу, гадостей мне никто не говорил, но, приехав сюда, я увидела, что вещи мои выставлены напоказ – мол, убирайся.

– Вещи там же, в прихожей? – поинтересовался Дрожжин.

– Откуда вы знаете? – нервно спросила она. – Ах да, Николай мне говорил, что вы приезжали. Я вам так благодарна.

– Что с завещанием? Вы говорили по телефону, что оно исчезло.

– Это не завещание, а дарственная. Миша ее подарил мне

на день рождения. Это тот участок, который рядом с вами. Слава богу, что у вас сохранились ключи от этой бани, я хоть с вашей помощью перевезу туда вещи и переночую. Здесь я оставаться не хочу, да и не могу, все двери, кроме одной, заперты, а ключи забраны. По всей видимости, и моя дарственная прихвачена на всякий случай. Хотя есть номер и адрес нотариуса, который эту «дарственную» делал.

– Неужели такой документ делают в одном экземпляре? – с удивлением спросил Дрожжин.

– Миша сделал копию, но где она, я не знаю. Сейчас важно уехать отсюда. Как я рада, что вы приехали. Помогите, ради бога, Виктор Алексеевич. Входная дверь в прихожую открыта, давайте перенесем вещи и как можно быстрее уедем отсюда.

Она хотела выйти из машины, но Дрожжин задержал ее.

– Сидите, я все сделаю сам.

Он неторопливо вышел, открыл багажник и пошел к дому. Тут же следом за ним заковылял Костыль. Под неусыпным взором цербера Дрожжин перенес вещи Богатовой в машину и, не прощаясь с назойливым соглядатаем, тронулся с места.

– Только давайте заедем в ближайший магазин. Я хочу купить что-нибудь из продуктов. Я останусь рядом с вами, пока вы не закончите мой портрет. Я так люблю эту вашу работу.

– Зачем в магазин, – удивился Дрожжин, – мы и так вас прокормим.

Приехала моя дочь Ольга, она прекрасно готовит, и вам

не придется у себя заниматься кухней.

– Нет-нет, я не хочу никому быть в тягость. Сколько лет вашей дочери?

– Уже двадцать пять

– Ну, это уже взрослая девочка. Я с удовольствием подружусь с ней и, если она захочет, научу ее готовить свои любимые блюда. У меня свой рацион, называется «счетчик калорий». Быть певицей – это, знаете, чаще всего клевать, как воробей, а петь с выражением радостного удивления на лице.

Дрожжин с недоверием посмотрел на певицу и – не поверил.

– Да-да, Виктор Алексеевич, есть такой эстрадный штамп. Вокал – это ведь настоящий фитнес, работает все тело от макушки до пяток. Наша эстрада – это старый драндулет, в котором, во-первых, не меняются пассажиры, а во-вторых, сидят те, кто не сумел реализовать себя в серьезной музыке.

– И вы тоже? – с недоверием спросил Дрожжин.

– У меня своя ниша. Я ведь больше всего пою русские народные песни, а это – душа народа. Вот эта причастность и держит меня на эстраде, и мне за себя не стыдно.

На первом повороте Дрожжин свернул в сторону Ледовска, где на полпути был неважный, но зато круглосуточный продуктовый магазин.

* * *

Между тем, молодые люди, увлеченно приготавливая обед, находили все больше общих тем для разговора. Ольга при всей наносной, московского разлива кокетливости, была женщиной порядочной и приветливой, но с явно выраженным лидерским началом. Уличив своего Рустамчика в измене, она не стала убиваться, а всего-навсего выставила его вещи за дверь и, как он ни бросался в ноги, молил простить, отношения с ним разорвала. Рустам каждый день стучался в дверь, звонил, приносил цветы, но ничего не помогало. К счастью, в этот момент ей не пришлось долго испытывать свое мужество, так как она получила от одного давнего ухажера из нового журнала «Народонаселение» литературный заказ написать большую статью о демографическом положении в Российской Федерации. Но Ольга вместо того, чтобы засесть и списывать хвосты недобросовестной статистики, предложила необременительную для редакции поездку для получения данных непосредственно из мест, где самые усердные демографы бывают раз в десятилетие. Редакция журнала охотно приняла ее предложение, и она в одно мгновение на новой машине укатила из Москвы от назойливого теперь уже бывшего жениха.

Валерий познакомился с ней в тот период, когда она приняла решение изменить многое, чем раньше гордилась: уме-

ние подчинять мужчин, выстраивать отношения так, чтобы быть максимально независимой, при этом всегда нужной. Разрыв с Рустамчиком, человеком из другого теста и другой религии, дал ей понять, что она переборщила с напором и что надо на сто восемьдесят градусов все повернуть. Гд е – то у философа Ивана Ильина она вычитала, что хороша та женщина, которая несет в себе три начала: цветка, ребенка и ангела. Как скептически ни относилась она ко всяким философам, считая именно психологию вершиной любой науки, но на этот раз она прислушалась к Ивану Ильину. Из троих определений она больше тяготела к цветку, но с Валерием следовало быть ребенком и терпеливо выслушивать, не перебивая его. «Он хочет подчинения, у него не очень сильная воля, и ему необходимо постоянное самоутверждение. Но главная его проблема – это существование по инерции уже изжитой духовности, поэтому ему надо “опорную” женщину с опорной питательной средой. Ну что ж, – решила она, – будем бычка подкармливать молочком», – и дала себе задание вести себя с ним «по словам его, – будет ему, что не скажет»[1].

Между тем Валерий, видя, что в дочери Дрожжина он больше находит союзника в своих планах, все тревожнее и эмоциональнее говорил о том, что следует сейчас предпринять, дабы избежать судьбы Горина.

В какой-то момент профессия психолога дала понять Ольге, что Валерий знает гораздо больше, чем говорит. Особен-

---

[1] Евангелие от Марка, гл. 11.

но ее насторожили отношения Валерия с неким Полетаевым. Когда он касался этой темы, то чувствовалось, что за подозрительностью и даже ненавистью кроется какая-то обида на этого человека. В какой-то момент она даже подумала, что это может быть нетрадиционная связь, но по двум наводящим вопросам ей стало ясно, что она ошибается. Для этого она на секунду распустила хвост, и начался такой клев, что она по этому поводу совсем успокоилась, ни в чем больше не сомневаясь, и вновь стала с кротостью и умилением слушать своего нового знакомого.

– И что же нам надо сделать, чтобы избежать повторения судьбы Горина? – с интонацией лучшей студентки спросила она.

– Первое, как ни странно, – помочь местному бизнесмену не проиграть тендер по продаже участка, примыкающего непосредственно к нашей территории.

– Что для этого надо сделать?

– Надо помочь выиграть тендер Кремневу.

– А что собой представляет этот Кремнев? Фамилия у него подходящая.

– Кремнев – здешний местный бизнесмен. Симпатяга – борец и правдолюбец. Конечно, его местная борьба за изгнание посредников из энергосбыта смешна, но это тем не менее ему принесло некоторые дивиденды. Он хотел даже баллотироваться в депутаты, но потом почему-то отказался.

В провинции для такой кампании, как известно, нужны

немалые деньги.

– Хорошо, и что же, Валерочка, мы должны, по-вашему, сделать?

– Надо доказать, что Полетаев врет и что здесь никакой минеральной воды нет. Его команду нельзя пускать даже на край нашей зоны. Иначе они пойдут дальше. Сегодня они начали с Горина, теперь взялись за нас. Эти звонки – только начало. Нас будут преследовать до последнего колена Давидова.

– Прекрасный, восхитительный план! Однако как доказать, что Полетаев дал фиктивную заявку и что минеральный источник в нашем районе – чистый миф?

– Создать компетентную комиссию, которая даст соответствующее заключение. Я это уже говорил вашему отцу.

– И что папа ответил?

– Ничего. Он вообще ко всему этому относится с юмором и даже безучастно.

– Валерий, я с ним поговорю и постараюсь убедить его.

– Правда? Постарайтесь! Это очень важно.

– Но не кажется ли вам, Валерий, что нужно сделать кое-что еще?

– Возможно. И что вы предлагаете, Ольга?

Она сделал паузу, мысленно взвесила свое предложение и только потом предложила:

– Я исхожу из вашей абсолютно верной логики, что надо помочь Кремневу. Не проще ли подписать с ним соответ-

ствующий договор, дать денег в долг на развитие рыбоводства и обеспечить ему этими деньгами победу над Полетаевым? А параллельно работать с комиссией и вывести на чистую воду всю эту ахинею с минеральным источником. В результате вы еще до комиссии выигрываете тендер, и вашим соседом становится симпатяга и правдолюбец Кремнев.

– Вы предлагаете скинуться?

– Предлагать должны только вы, Валерий. Не скрывайте свое лидерское начало. Оно все равно из вас прет, как, простите за сравнение, из молодого жеребчика. А мой папа не лидер, он художник. Вы же видите, что он удрал из Москвы еще и потому, что там дикая конкуренция.

Там игра без правил. Там решают все деньги. Там правит настоящий, безжалостный и беспощадный капитализм. Вы уже упомянули об энергосбыте. Если вы здесь заметили, то совсем недавно началось очередное повышение тарифов. Цифры привычные, небольшие: на газ: – 7,5 %; на электроэнергию – 8,5 %; на тепловую энергию 8,5 %; железнодорожные – 10 %. Эта потрясающая система Рыжего Толика приводит к постоянному росту цен на электричество и тепло, которые в условиях затянувшегося кризиса совсем скоро сделают массового пользователя неплатежеспособным. По дороге к вам я разговаривала с десятками людей, и все говорят, что счета за коммунальные услуги и жилье грозят превысить размер среднестатистической месячной пенсии. Высшим полетом фантазии и самым наглым враньем стало утверждение

в прессе и по всем телевизионным каналам, что это повышение будто бы для государства себе в убыток.

Пока Ольга готовила обед, довольно ловко строгая то капусту, то лук, и рассказывала о том, что увидела в поездке, Валерий не отводил от нее взгляда. Особенно его поражали ее глаза. Они горели каким-то голубым сиянием. Минутами ему казалось, что она похожа на какую-то сказочную героиню Андерсена.

– Оля, как вы все это помните? Причем даже в цифрах? – не скрывая восхищения, спросил он.

– Я для одного московского журнала готовлю материал по демографии Российской Федерации. Договорилась объехать глубинку и собрать не районную статистику, а подлинные сведения. Вот вы их и слушаете.

– А какая, положим, связь между электроэнергетикой и демографией?

– Очень простая и давняя. Уже многие годы идет эксперимент с участием «невидимой руки рынка», в котором «конечная цель – ничто, движение – все». Если добавить к этому, что экономический ущерб с 90-х годов до начала 2000-х в 2,6 десятых раза превышает потери СССР в Великой Отечественной войне, а исход нашего интеллекта исчисляется в 1,5 миллиона человек, то возникает вопрос, ради чего все эти жертвы демократии. Кажется, дальше уже некуда, но при этом до сих пор происходит небывалое обирание граждан: постоянно увеличивается плата за жилье, электроэнергию,

газ, всевозможные кредиты. Когда все это сваливается на голову, то от пенсии и доходов у загнанного в угол россиянина ничего не остается. В результате после громогласных уверений, что демография якобы улучшилась, в последний момент полной неожиданностью и новостью для правительства стал рост смертности населения.

– Да у нас грипп за гриппом гуляет по стране, то и дело слышишь – вирус такой-то, грипп такой-то…

– Конечно, смертность от простуды и вирусов увеличилась, тут вы правы. Но дело в том, что наши реформаторы ликвидировали большую часть фельдшерско-акушерских пунктов в нашей глубинке. Я вот сейчас проезжала, видела эти медпункты, переделанные под магазины и кабаки. Сделали межрайонные центры, а в результате обширные сельские просторы остались вообще без медиков, способных оказать необходимую первичную помощь в экстремальных случаях. По дороге мне несколько квалифицированных врачей жаловались, что ликвидация кардиологических отделений в районных больницах привела к тому, что больные с инфарктами и инсультами попадают с недопустимым опозданием. Вот вам и результат: смертность выросла от 4 до 5 процентов умерших за последние месяцы, что никак не соответствует ликующим отчетам нашего премьера о том, что российский народ прирос на целых тридцать тысяч человек.

– Оля, вас не разочаровало все, что вы увидели в поездке?

– Да, но я вижу свет в туннеле. Я общалась со многими

людьми, наш народ не сломлен.

– И где вы собираетесь опубликовать ваши выводы? – с осторожностью спросил Валерий.

– В журнале «Народонаселение».

– Есть такой журнал?

– Да, при Российской академии наук есть институт, издающий такой журнал. В сущности, мое появление здесь связано с этой работой. Ну конечно, и папу повидать тоже хотелось.

– А статью вы уже написали?

– Нет, у меня пока все в блокнотах, в черновиках. Собираюсь здесь до отъезда все закончить.

– Тогда, если можно, я хотел бы быть первым читателем или слушателем. Кстати, вы уверены, что РАН такой материал на свою голову опубликует?

В это время кастрюля с супом начала так кипеть, что содержимое густо хлынуло на плиту. Оля быстро скинула крышку, убрала огонь и знакомым жестом откинула пряди своих легких волос. Жест был таким незатейливым, естественным, но это почему-то привело Валерия в полный восторг. Это не прошло незамеченным Ольгой, и она неожиданно смутилась. Но уже через секунду она вспомнила вопрос и продолжила:

– Вы, кажется, спросили, опубликуют ли такой материал? Посмотрим.

Мне кажется, опубликуют. У нас власть давно уже никого

не боится и уверена, что главное – запустить механизм конкуренции. Смотрите, сколько проблем создал вам Полетаев, а вы, умный, влиятельный человек, не знаете, как ему противостоять.

– Пока действительно не знаю, но с вашей помощью, Ольга, мы это сделаем.

– Тогда можно один наводящий вопрос?

– Пожалуйста.

– Скажите, Валера, в чем все-таки причина вашего конфликта с Полетаевым? Мне кажется, надо плясать от этого. В психиатрии есть такое понятие: черная дыра моей души. Это то, в чем боишься признаться даже себе. Вспомните, может, вы его оскорбили, когда он у вас работал, недоплатили денег… Должна же быть какая-то причина, что между вами пробежала черная кошка?

Валерий оторвался от работы – чистки картошки, за которую его успешно усадила Ольга, встал и даже размялся. Увидев на стене фотографию Дрожжина с вице-премьером и коллегами по партии, которая подавала надежды, но была сметена из-за возросшей популярности и самоуверенности молодых лидеров, спросил:

– Ваш отец, кажется, был членом одной известной партии?

– Это было давно, тогда еще мама была с нами. Единственный раз занялся политикой и тут же накололся. Но ни о чем не жалеет, иногда вспоминает об этом с горящими глазами.

Они тогда чересчур разогнались.

– Наши предки, Олечка, говорили: «Ты не ступай за чур, через чур и конь не ступит».

– Смотрите, как интересно! И что это за чур?

– Чур – хранитель межей. Чурка, чурбан – межевой столб. Когда я строился, он просил у меня в долг земли. Я не дал! Тогда он перекинулся к дагестанцам.

– А почему не дали? У вас, как я вижу, огромный участок.

– Он просил в долг. А у таких людей это значит – без отдачи. Так вот, к чему я это вспомнил: Россия является богом Чура – это порубежная полоса, за которую не смеет переступать чужак. Тем более преступник. А Полетаев, по моим сведениям, бывший преступник. Чур охраняет любую территорию от захватчиков. Поэтому мы должны противопоставить этой новой Золотой Орде во главе с Полетаевым, получившим от дагестанцев ярлык на княжение, – частокол, за который они не посмели бы сунуться. Если не поставим, потеряем не только землю, но и страну. Если мы этот Чур не поставим, нашу землю без выстрелов и войн скупят инородцы, чужаки и прощелыги, финансирующиеся нашими «западными партнерами». И тогда в один прекрасный день мы проснемся не в своей стране и – нерусскими!

– А вот и папа! – воскликнула Ольга, увидев в окне, как в ворота въезжает «ситроен» Дрожжина.

Дрожжин вышел из машины и, открыв дверь со стороны, где сидела Татьяна, торжественно вывел ее, словно на поди-

ум. Ольга через окно, заметив эту услужливость, сразу насторожилась и включила свои психоаналитические «фары». Первой в дом вошла Татьяна и тут же поспешила к Ольге.

– Как я рада вашему приезду, – заговорила она быстро и доброжелательно. – Виктор Алексеевич так много о вас рассказывал, что я уже заочно испытывала к вам, Олечка, большую симпатию. Вот и сейчас по дороге мы говорили о вас. Здравствуйте, сосед, – обратилась она к Валерию и протянула ему руку.

Тот поцеловал ее и почему-то смутился, не зная, как на это прореагирует Ольга. Однако первая неловкость быстро прошла, когда Татьяна прошла к газовой плите, где вовсю варился обед.

– Господи, как вкусно пахнет. Это не гастрольная сухомятка. Ваша дочь, Виктор Алексеевич, великолепная хозяйка.

– Тогда давайте сразу за стол, Татьяна Георгиевна, – радушно предложил Дрожжин и даже выдвинул один из стульев около овального соснового стола на кухне.

– С удовольствием, я только хочу забросить туда свои вещи, переодеться, что-нибудь захватить с собой, и тогда будем обедать. Я мигом. А скажите, Виктор Алексеевич, где те ключи, которые вам оставил Горин?

Она обернулась к Ольге и с лучезарной улыбкой примадонны сказала:

– Папа обещал закончить мой портрет. Мы теперь, Оля, с

вами будем чаще видеться и, я уверена, – подружимся.

– И я очень рада с вами познакомиться, Татьяна Георгиевна.

– Никаких «Георгиевных»! Просто – Таня! Виктор Алексеевич, – повернулась она к Дрожжину, – ну что, я пошла?

Дрожжин словно взял под козырек, быстро снял с одежного крючка кольцо с ключом и протянул его Богатовой.

– Пойдемте, Татьяна Георгиевна, я подвезу вас и помогу перенести вещи. Дочка, мы скоро, – торжественно сказал Дрожжин и, пропустив вперед знаменитую певицу, поспешил следом. После ухода Богатовой на кухне воцарилась торжественная пауза.

– Ну, как вам? – уставилась Ольга на Валерия, видя его взволнованное состояние.

– Еще лучше, чем на портрете.

– Вы, я вижу, даже зарделись, – с насмешкой уколола его она.

– Нет, я же не первый раз ее вижу.

– А она была замужем?

– Кажется, нет. А потом, с таким характером замуж не выходят.

– У нее тяжелый характер?

– Нет, независимый. Я как-то слушал ее интервью по телевидению, так поразился – говорит, что думает. Ведущий как на сковородке вертелся. И при этом в этой женщине есть несомненная магия: безупречное поведение, доброжелатель-

ность и какое-то особое излучение. Я встречал только еще одну женщину с таким пронзительным обаянием.

– Да вы, я вижу, не прочь поухаживать за Танечкой Георгиевной?

– Я не в ее удельном весе. У нас разные весовые категории.

– Ошибаетесь, вы можете быть абсолютным чемпионом во всех весовых категориях.

– Вы так думаете, Оля? – оживился Валерий, и на его лице появилась улыбка, так несвойственная в последнее время его состоянию.

– А кто же та «еще одна женщина» с таким же «пронзительным обаянием»?

– Не принуждайте меня говорить то, о чем я могу потом пожалеть.

– Хорошо, но обещайте мне, что мы вернемся к этому разговору, – с удовольствием закончила Ольга, сверкнув в сторону смущенного молодого человека тем особенным взглядом, который обещает все, но при определенных условиях.

Достав тарелки, она стала накрывать на стол. На ней были короткие шортики, и когда она ставила очередную тарелку на другую сторону стола, то одну ногу вскидывала, чтобы дотянуться. Она инстинктивно знала, что это грациозно, и старалась это делать непринужденно и весело. Валерий видел эти рассчитанные на него «пируэты» и радовался, что является объектом такой импровизации. Минут через двадцать обед был готов. Теперь осталось только дождаться Бо-

гатову. Мужчины не выдержали и выпили по рюмке аперитива, закусив ломтиками сервелата, который Дрожжин купил, сопровождая Богатову в магазин. Никто не услышал, как неожиданно вошла певица, – в дверном проеме показалась ее голова.

– Тук-тук, вот и я, – прощебетала она и обратилась к Валерию: – Помогите мне внести мою поклажу.

Через минуту она принялась ставить на стол разные бутылки. Здесь были и мартини, и виски, и «Рижский бальзам», и даже какая-то болгарская водка, привезенная Богатовой после гастролей в Варне. Все набросились на обед, стараясь попробовать принесенные Богатовой «сокровища». И это не замедлило дать о себе знать. Кроме Ольги, все быстро опьянели, и начался общий треп, сопровождающийся смехом, глупостями и анекдотами. Богатова пила мартини и когда ее попросили что-нибудь спеть, она скосила якобы пьяные глаза и тотчас согласилась. Она запела старинный и любимый Дрожжиным романс «Только раз бывают в жизни встречи». Пела она великолепно, даже без сопровождения. Голос у нее был скорее лирико-драматическое сопрано, но с хорошим низким регистром, поэтому верх на фразе «только раз судьбою рвется нить» звучал так беспредельно и драматично, что все сразу поняли, что романс посвящен памяти Горина.

Сразу после исполнения романса Дрожжин предложил помянуть мужа Михаила.

– Нет-нет, – заговорила она, прижимая платок к глазам и вытирая слезы, – он не был моим мужем. Муж – это другое, это срастание одного с другим, это ответственное и единственное, а Миша был хорошим другом, крепким тылом, и я с ним чувствовала себя защищенной. Мне казалось, что он как скала, никто его не сдвинет, а получилось все иначе. Его сломали, и я даже не способна была постоять за него. Спасибо вам, Виктор. Давайте, давайте его помянем.

Все налили себе водки и стоя выпили. Богатова села, и вдруг на ее глаза опять навернулись слезы и она громко, навзрыд заплакала. Дрожжин, сидевший рядом, начал ее успокаивать, понимая, что прорвались чувства, которые с избытком накопились у нее за последнюю неделю. В этот момент у него зазвонил мобильный, и он, одной рукой придерживая певицу, другой передал телефон дочери, чтобы она ответила. Ольга взяла мобильный и прошла в другую комнату.

– Слушаю?

– Мне бы хозяина, – раздался глухой, простуженный голос мужчины.

– Хозяин занят, вы можете все сказать мне.

– А кто вы?

– Я его дочь.

– Как вас зовут?

– Меня зовут Ольга, что вам надо?

– Мы звоним по прежнему вопросу. И уже третий раз. Нам очень нравится ваша дача, и мы хотим вам предложить

за нее большую сумму.

– Вы покупаете для себя или стараетесь для кого-нибудь другого? – начала задавать наводящие вопросы Ольга по только ей известной схеме.

– Вы, наверное, не в курсе, мы говорили вашему отцу, что дом покупается для беженцев из Донбасса.

– Большая сумма – это сколько?

– Наконец-то я слышу правильный вопрос. Мы даем двадцать миллионов. Дом стоит гораздо меньше.

– А зачем же вы его покупаете не по выгодной цене? Чем вас привлек наш дом?

– Ты красивая? – неожиданно перешел на «ты» мужчина и слегка засмеялся.

– Да ничего, вроде красивая.

– Вот и дом «ничего, вроде красивый». Рядом речка, это нас тоже устраивает.

– Вы что-то недоговариваете. Мы готовы дом продать, но хотим знать цель покупки. Если здесь будут рыть землю и искать минеральные источники, то мы категорически будем против и продавать не станем, но если это за хорошую цену и к тому же пострадавшим людям из Донбасса, то это меняет дело.

– У женщин в голове ума столько, сколько волос на яйце. А ты, оказывается, неглупая. Поэтому уговорите вашего отца. Наше терпение тоже не беспредельно.

– И что тогда будет, если ваше терпение иссякнет? – с вы-

зовом спросила Ольга.

– Нет-нет, зачем же крайности. Мы решим этот вопрос, обязательно решим. И не бойтесь, я не ламорой какой-нибудь, чтобы вас обманывать. Как только вы скажете «да», уже на следующий день, мы готовы передать вам двадцать миллионов. Вы согласны?

– Договорились, только дайте мне неделю срока, чтобы уговорить отца. Хорошо?

– Да, мы согласны! До свидания! Я позвоню вам через неделю.

Когда Богатова успокоилась, Дрожжин спросил Ольгу о звонке.

– Звонили по поводу дачи.

Все присутствующие насторожились и уставились на Ольгу.

– Что они теперь хотят? – спросил Дрожжин.

– Предлагают ее купить за двадцать миллионов рублей.

– И что ты им ответила?

– Что я ответила? Я ответила, что мы подумаем и дадим ответ через неделю.

Дрожжина этот ответ словно ужалил. Он начал искать в присутствующих поддержки, и вдруг его прорвало:

– Ты что, с ума сошла? Я же тебе говорил, что они уже звонили и я им отказал. На каком основании это, интересно, мы будем еще думать, если дачу я продавать не собираюсь? Этот вопрос могу решить только я, а не ты, – строго выгово-

рил Дрожжин и уставился на Ольгу, ожидая ответа.

– Папа, есть психологические нюансы.

– Нет, никаких психологических нюансов с вымогателями быть не может. Тебе это понятно?

– Папа, мне как психологу…

– Тебе как психологу надо заниматься больными людьми, а я человек здоровый, и мои взгляды не нуждаются в корректировке. Даже со стороны моей родной дочери. Не успела приехать и сразу начинаешь командовать, все по-своему хочешь устроить.

– Но ты же мне дал телефон, я должна было что-то отвечать. Я ничего не обещала, я ответила уклончиво, потому что мне тоже было подозрительно, когда за эту родительскую дачу, построенную еще в шестидесятых годах, дают двадцать миллионов. Это абсурд! Здесь, на мой взгляд, какая-то подстава, и я предложила паузу протяженностью в неделю.

– А разве я просил тебя это делать? Вот ты приехала, я хоть слово сказал тебе о том, чтобы ты помогла мне разобраться с этими звонками? Просил?

– Нет, это моя инициатива.

– Вот то-то и оно! Поэтому не надо никаких инициатив с подлецами, которые за эту халупу дают такие деньги. У нас тут такая путаница, такая мочалка, а ты приехала и сразу стеной хочешь стать. Твой отец не какой-нибудь альфонс, чтобы торговать памятью своих родителей, которые здесь прожили полвека и были счастливы. Пойми, даже ставить так вопрос

безнравственно: «мы подумаем»! И никакими психологическими ухищрениями это не оправдать. Повторяю, то, что ты сделала, – это по меньшей мере безнравственно, если не сказать аморально!

На этих словах Ольга вскочила и выбежала из комнаты. Дрожжин потянулся за водкой, но неожиданно опрокинул стоявший рядом стакан с водой, принялся нервно затирать салфеткой воду и в конце концов выругался.

Татьяна, сидевшая рядом, стала успокаивать его, а Валерий извинился, вышел из-за стола и бросился искать Ольгу.

– Успокойтесь, Виктор Алексеевич, – заговорила Богатова, когда они остались вдвоем. – Вы правы, но молодое поколение к этим ценностям, к сожалению, относится по-другому. Но то, что она захотела разобраться во всем этом, правильно. Ведь такой же звонок был и Мише. Его просили продать этот пустырь с баней.

– Как, и ему звонили? – опешил Дрожжин.

– Да, два месяца назад ему был звонок, и он договорился о встрече.

Предлагали большие деньги. Он заинтересовался. Правда, сразу сказал то, что сказала только что Ольга.

– Что он сказал? – нетерпеливо спросил Дрожжин.

– Он сказал, что это – подстава. И чтобы разобраться, поехал на встречу, чтобы при случае информировать Игнатова о подозрительных звонках, похожих на провокацию.

– И он поехал на встречу, вы говорите? – нетерпеливо

спросил Дрож-
жин и от волнения достал с полки пачку с сигаретами.

– Вы же, кажется, не курите?

– Когда-то курил. От этой истории голова идет враскосяк. И что Миша выяснил?

Дрожжин закурил и отошел в сторону, чтобы не дымить на Богатову.

– С ним встречался странный человек.

– Дагестанец из Донбасса? – криво улыбнулся он.

– Нет, это был русский. Правда, Миша сказал, что он полукровка – не исключено, что из кавказских евреев. Потому что тот стал спорить таким тоном, что Горин не выдержал, взорвался и стал крыть его самым отчаянным матом, когда понял, для чего тому нужен участок.

– И для чего же?

– Он был уверен, что на этом участке есть минеральная вода. Когда Горин, не приняв предложенную цену, отказался продавать участок, этот тип попросил Мишу пожить в его бане несколько дней, чтобы проверить свои предположения. И если они подтвердятся, взять Горина в компаньоны. Горин и от этого отказался, и они разбежались ни с чем. Миша хорошо знал эти места и доказал тому, что тот блефует и выдает желаемое за действительное. В конце он предложил этому типу убираться вон, иначе он его сдаст и посадит как провокатора. В результате же, как вы знаете, все получилось наоборот, Миши не стало, а провокаторы продолжа-

ют лезть в нашу жизнь. Виктор Алексеевич, простите Олю. Она невольно вмешалась не в свое дело, но говорила вполне логично. Вам все равно придется их как-то урезонить, иначе они не отвяжутся.

– Убийство Михаила никак не связано с этим человеком? – после длительной паузы спросил Дрожжин.

– Кажется, нет. Там все получилось из-за пристани. Мишка сам полез на рожон. Схватил бензопилу, все спилил и разрушил, вот и результат. Спасибо вам, Виктор Алексеевич, за обед. Пойду я, а то еще выселят.

– А говорить о загадках истории сегодня не будем? – спросил Дрожжин.

– Нет, не могу. Хочу отдохнуть. Кстати, и для того, чтобы прилично выглядеть. Ведь когда-то надо закончить наш портрет.

– Да хоть завтра. Только бы вы чувствовали себя хорошо, моя дорогая.

– Может быть, и завтра, – неопределенно ответила она. – Проводите меня, пожалуйста. Я что-то боюсь: неприятностей здесь не убавляется, какой-то гордиев узел.

– У меня в сарае есть старое ружье, я его повешу на стенку и, если надо, оно, как в чеховской пьесе, сделает свое дело, – отрапортовал Дрожжин и засмеялся.

– Вы же не Треплев, чтобы стреляться. Вы другой персонаж.

– Какой же? – тихо, глядя в глаза Татьяны, спросил Дрож-

жин.

– Ладно вам, вы и без меня знаете, какой вы. Вы не Тригорин и не Астров, вы – в этой истории – Левитан. Если хотите, мой Левитан. Пойдемте, дайте мне вашу руку. Она большая и теплая. Я когда с вами встречаюсь, всегда задерживаю свою руку в вашей ладони. Да-да, специально. Признаюсь! Она прекрасная, ваша рука. Когда-нибудь буду хвастать, что ваше тепло сохранила для потомков.

Она впервые за прошедшие часы улыбнулась своей очаровательной улыбкой и, взяв Дрожжина под руку, повела его к себе. Дрожжин, осторожно вышагивая по рассыпанной на дороге щебенке, держал ее под руку и чувствовал, что душа его переполняется таким теплом и силой, что ему впервые захотелось хоть ненадолго пожить иначе, нараспашку, чтобы удостовериться, что счастье бывает и что у него все получится с этой, казалось, недосягаемой для него женщиной. Но тут же здравый смысл одержал верх, и он сам себе внушил: для того чтобы быть счастливым, надо быть глупым.

* * *

Ольга не забыла, как маленькой девчонкой пряталась от родителей на запруде, где пробовала рыбачить, играя с папиным спиннингом, крючки которого взрослым приходилось снимать с разных ближайших кустов и деревьев.

Вот и сейчас она спустилась по ступенькам к реке и ре-

шила искупаться.

Недолго думая, она разделась догола и прыгнула в воду, забыв даже оглянуться – так она была уверена, что здесь никого нет. Между тем это место сразу после приезда Дрожжина просматривалось по всему периметру в бинокль и хорошо было видно с горной части соседнего участка, куда с вещами приехала Татьяна Богатова. Для удобства в заборе была сделана скрытая досками дырка, в которую можно было легко и незаметно проникнуть. Сразу после разговора с Ольгой Полетаев сел на мотоцикл и приехал к этому месту, чтобы посмотреть на сговорчивую дочь знаменитого художника. После ее внезапного приезда у Полетаева сразу возник новый план, направленный на достижение поставленной цели. «Если несговорчив отец, то правильно налаженные отношения с дочерью быстро могут сделать покладистым и папу», – решил Полетаев и стал действовать. Когда он увидел, насколько хороша собой приехавшая гостья, у него появились еще и дополнительные аргументы.

Вода сразу остудила Ольгу. Ей стало стыдно, что она расстроила отца и не смогла оправдаться. «Бескомпромиссное поколение, – думала она, – у них еще сохранились табу, а мы – наше поколение – превратились в ловчил и приспособленцев».

– Дура, стоеросовая, – ругала она себя, – зачем мне надо было спрашивать о цене? Ведь я знаю, что отец никогда эту дачу не продаст. «А ты бы продала? – вдруг она задала себе

этот вопрос и через минуту мучительных раздумий ответила: – За такие деньги, конечно, продала бы и купила небольшой дом под Москвой около какой-нибудь речки и в пределах тридцати километров».

– Вот и весь твой хваленый патриотизм по отношению к малой родине, – закончила она собственное дознание и налегла на брасс, направляясь к небольшой плотине, где можно было постоять под струями холодной воды, массируя тело до изнеможения. Именно в этот момент на берегу появился Валерий. Какой стороной своей интуиции он воспользовался в этот момент, он так и не осознал, но после того, что произошло за обедом, он решил, что Ольга могла спрятаться только в этой части участка, который выходит на берег реки.

В отличие от Ольги, Валерий внимательно огляделся вокруг, что побудило наблюдавшего за ним Полетаева тотчас скрыться за густым горным кустарником. А заметив, что в эту сторону идут Дрожжин и Богатова, Полетаев и вовсе решил, что на сегодня с него более чем достаточно. По матери Полетаев был дагестанцем, вырос в городке Базардюзи, самой горной части Дагестана, поэтому быстро спуститься с горы вниз для него не составило никакого труда. Выбравшись из участка через сделанную им дыру в заборе, он отогнал подальше мотоцикл и только потом его завел и уехал.

Тем временем Валерий разделся и как ни в чем не бывало поплыл к плотине, где находилась Ольга. Только подплыв ближе, он увидел, что московская русалка – голая и что она

мужественно стоит под потоками воды и, повизгивая и смеясь, крутит в разные стороны бедрами, никого не замечая. Чтобы не смущать купальщицу, Валерий развернулся и поплыл назад, но было поздно. Его заметили и окликнули.

– Эй, сосед, что это вы так испугались? – крикнула Ольга и поплыла следом к брошенной одежде. Нащупав дно, она встала в воде напротив своей одежды и, прикрыв груди руками, деловитым тоном приказала:

– Молодой человек, я вас не знаю, отвернитесь, пожалуйста, и не смотрите, пока я одеваюсь.

Валерий не выходя из воды, подождал, когда ему объявят отбой.

– Спасибо, я уже готова.

Валерий развернулся, торопливо прошел к своей одежде и тоже оделся. В отличие от мужчины, женщина оказалось более любопытной и украдкой рассмотрела все, что для нее составляло интерес. «Он все-таки выше среднего роста, но худющий, как тростник. Такого надо подкармливать, чтобы довести до соответствующих кондиций», – решила она и стала поджидать, когда Валерий подойдет к ней поближе.

– Как вы меня нашли? – спросила она, смело беря его под руку.

– Интуиция. Потом, я тоже захотел искупаться. Я всегда завидовал вам, здесь у вас практически бассейн. А у меня много камней. Иной раз можно поранить ноги, когда заходишь в воду.

– Так этим берегом сто лет занимались мои дедушка с бабушкой. Они вытащили тут тонну известняка, прежде чем это место стало пригодно для купания. Кстати, пойдемте посмотрим ваш берег, и я поработаю экскаватором и помогу вам заложить первый камень будущей набережной.

– Я строить больше ничего не собираюсь, а то еще что-нибудь обвалится.

– В каком смысле?

– Да это анекдот есть такой.

– Ну-ну, интересно, расскажите.

– Прораб говорит студентам-практикантам: «Сейчас на стройку комиссия приедет, и что бы тут ни случилось, делайте вид, что так надо!» Появляется комиссия, и вдруг с грохотом обваливается стена дома. Один студент смотрит на часы и удивленно качает головой: «10.35! Ты смотри, точно по графику».

– Не знаю, кто сочиняет эти анекдоты, но в этом есть сермяжная правда. Столько сейчас сообщений о том, что где-то что-то упало, рухнуло, кого-то придавило. Даже военные и те разучились строить. Недавно казарма обвалилась где-то и погибло много новобранцев. Слава богу, до Путина дошло, большие компенсации выделили, а сколько горя с ипотекой, с долларовыми кредитами. Так что иногда и впрямь, как студент из анекдота, поверишь, что все валится точно по графику.

Они пошли к воротам, и, проходя мимо машины, Ольга

инстинктивно проверила, заперты ли двери. Оказалось, что нет.

– Забыла закрыть, увидела вас с папой и… совсем потеряла голову.

Кстати, я вам кое-что обещала.

Она достала из багажника пакет, а из него книгу с красивой женщиной на обложке.

– Вот вам Джейн Остин, – с вызовом сообщила она, – «Гордость и предубеждение». Так что читайте и боритесь.

– С чем?

– Со всем, что мешает вам стать совершенным гренадером.

– Почему гренадером?

– Гренадеры – отборные мужчины, без них царство женщин в России вряд ли осуществилось бы.

Валерий повертел книгу в руках, посмотрел, сколько в ней страниц, и спросил:

– Если я одолею эту книгу, то вы, Оля, назначите меня своим гренадером?

– Хотите одно глупое признание?

– Конечно.

– Когда я вас увидела, то… Нет-нет, я не буду говорить. Мужчины женскую откровенность часто используют в корыстных целях.

– Слушайте, Оля, вы, не проверяете ли на мне тему своей диссертации?

– Нет, я искренне к вам отношусь, вы мне нравитесь.

– Тогда позвольте на память сделать ваш фотопортрет. На нем я напишу – «первый день знакомства».

Он достал из нагрудного кармана рубашки мобильный и дважды сфотографировал Ольгу.

Они вышли на засыпанную щебенкой дорогу, и Ольга, опершись рукой на Валерия, надела легкие туфли без каблуков. Идти было недалеко, но она не торопилась. Ей было интересно поводить за нос этого, кажется, уже влюбленного в нее мальчика.

– Кстати, моя диссертация именно на эту тему.

– О чем? О гренадерах?

– Почти угадали. В психологии есть такое направление – психоламаркизм, названное по имени его создателя – Ламарка.

– Первый раз слышу.

– Все это очень сложно, но страшно интересно. В обозримом времени мы будем совершенно иначе смотреть на то, что связано со школьным образованием и Дарвином. У дарвинистов, дорогой Валерий, естественный отбор, который является движущей силой эволюции. Вот вы, Валерий, до встречи со мной являлись движущей силой, эволюции, рожденной в борьбе за существование среди математиков.

– Это очень грубо и приблизительно, но тем не менее примерно так.

– Очень приятно, что вы соглашаетесь с этим. У вас какая

оценка была по биологии?

– Кажется, четверка.

– Неплохо для того, чтобы стать гренадером.

Она похлопала его по плечу и продолжила:

– Так вот, ламаркизм настаивает на второстепенной роли естественного отбора в качестве фактора эволюции, отводя главную роль направляющему влиянию внешней среды. – Она показала на небо и, сложив руки на груди, добавила: – Влияние прямо сюда. Именно сегодня ламаркизм обрел новое дыхание: мы стали все чаще говорить о душе, Боге и его воздействии на все, что с нами происходит. Второе и для меня как психолога искомое – волевые усилия самих живых организмов. В связи с этим, два положения в ламаркизме наиболее важны и существенны для нас, психологов. Во-первых, признание способности живых существ, вроде нас с вами, Валерий, изменяться при любых внешних условиях (заметьте, не случайно, как у Дарвина!), и второе – способность передавать по наследству своим потомкам благоприятные изменения. Вот почему в этом пункте важно, в какой «детской» вы выросли. Утверждают, что это противоречит генным структурам, но я доказываю, что это не так, время и развитие биологии и психологии покажут, кто здесь прав – Ламарк или Дарвин. В сущности, это вопрос веры и безверия. Вера доказывает, что прав Ламарк, ЕГЭ и старое школьное образование, выпестованное еще марксистами-ленинцами, что Дарвин. Фу, устала! Вы что-нибудь поняли,

Валерий? – спросила она и засмеялась своим большим белозубым ртом.

– Понял я, что для того, чтобы быть гренадером, надо быть волевым и верующим человеком. Правильно?

– Да, азы вы схватили.

Они остановились у ворот дома Валерия, и он открыл ключом узорную металлическую дверь, которая плавно стала сама распахиваться.

Дом был чуть в глубине, а подход к нему предваряла большая площадка из итальянского камня, на котором стояли две дорогие машины.

– Вы на двух ездите? – спросила она.

– Да, в зависимости от цели поездок.

– У вас хорошо: фонтаны, много декоративных деревьев… А где же яблони, груши, виноград? Кстати, жаль, что мало цветов…

– Осенью все это появится. Я уже договорился с Александром Михайловичем.

– Мичуриным?

– Кремневым.

– А, это тот, который «червячок»?

– Откуда вы знаете?

– Кажется, вы вспоминали… То ли папа, то ли вы. А это что там?

– Это первый вариант фундамента моего дома. Я передумал там строить. Рядом с горой – опасно!

– Можно посмотреть?

– Не стоит, там еще многое не убрано. Неудобно. Пойдемте лучше прямо в дом.

Они вошли в дом, и Ольгу поразило не то, как богато и со вкусом обставлен почти трехэтажный дом (над вторым этажом была еще мансарда), а то, какая кругом чистота. Особый интерес вызвала у нее комната, где находилось несколько компьютеров.

– Такое впечатление, что у вас здесь работает бригада помощников, а вы – какой-нибудь крупный руководитель по освоению космического пространства. Зачем вам столько компьютеров?

– На случай поломки, – отшутился Валерий.

– А зачем столько оружия? Вы разве охотник?

– Я потенциальный охотник и к тому же будущий гренадер. А гренадер без оружия не сможет привести к власти свою царицу.

Она обернулась на сказанную им тираду и, улыбнувшись, сказала:

– Браво. Очень поэтично! Вы делаете быстрые успехи. И так поэтически говорят только счастливые люди.

– Сегодня я и впрямь счастливый человек.

– Да это не потому ли, что у вас появились картины моего отца?

Она стала рассматривать все стены, чтобы оценить развешенную на них живопись.

– Вот мой любимый «Гамлет». И эту красавицу вы получили? Почему она здесь, а не в спальне?

Она указала на «Полуголую натурщицу» и шутливо погрозила Валерию пальцем.

– Да вы – Онегин, Валерий. До прихода в ваш дом я вас воспринимала совсем по-другому.

– При чем тут Онегин? – удивился Валерий и пожал плечами.

– Вот и видно, что вы давно уже писали классическое сочинение в школе: «Для чего Татьяна посещает дом Онегина?».

– Ах, да, вспомнил. Вы хотите посмотреть библиотеку? Пожалуйста, она здесь.

В одной из комнат был кабинет и стеллажи с книгами – кажется, недавно купленные и еще не расставленные по порядку. На стенах она обратила внимание на большое количество фотографий.

– Вы фотолюбитель?

– Да, увлекаюсь фотографией. Ваш папа рисует, а я щелкаю. Вот на этой стене фотографии пейзажей нашей округи. Хочу соединить фотографию, графику и библиотеку в одно целое.

– Ну, здесь еще конь не валялся.

Она подошла к окну и разочарованно заметила:

– У вас здесь, увы, несоответствующий пейзаж. Этот заброшенный фундамент портит всю картину. Надо все это

убрать, засадить цветами или деревьями. Кстати, какую часть вашего участка хотел купить этот ваш Полетаев?

Валерий неприятно поморщился, махнул рукой и хотел уйти от вопроса, но Ольга вдруг заметила:

– Дело в том, что в разговоре со мной… Какой, кстати, у него голос? – неожиданно спросила она.

– У Полетаева?

– Да-да.

– Глуховатый, трещащий…

– Вот-вот, с таким трещащим голосом я и разговаривала. У этого человека был простуженный голос. Скорее всего, у вашего Полетаева хронический трахеит. Слушайте, Валерий, я очень хочу выпить. Первый день моего приезда оказался в высшей степени нервозным. У вас есть бар или что-то в этом роде? Я считаю, что мы должны выпить за наше знакомство и затем пойти и помириться с моим батюшкой.

Они прошли в большую столовую, где в глубине, неподалеку от двойных сверху овальных окон со снежными узорами, был бар. Окна были распахнуты, и солнце потоком заливало столы, стулья и все, что красовалось в баре.

– Что вы хотите выпить?

– То, что пьют при знакомстве!

– У нас пьют все, что по карману, и до, и после знакомства.

– А что пила моя новая знакомая, певица Богатова?

– Татьяна Георгиевна пила, кажется, мартини. Хотите мартини?

– А что, в этом баре есть и мартини?

– Да, причем «Мартини экстра драй».

Валерий достал бутылку, открыл ее и, посмотрев на этикетку, торжественно сообщил:

– Это самый крепкий напиток из всех вермутов, к тому же в нем практически нет сахара.

– Прекрасно, это и выпьем.

– Только добавим льда и лимона.

Валерий достал лед и лимон, и вскоре они уже стояли друг напротив друга с полными бокалами. Сделали по глотку, и она вдруг стала тереть глаза, словно они отреагировали на внезапно ослепивший ее луч солнца.

– Что случилось, Олечка? – перепуганно спросил Валерий.

– У меня очень чувствительные линзы, и вдруг что-то меня ослепило с той стороны.

Она отошла и взглянула из другого окна в сторону горы, откуда внезапно прошел острый луч. Вернувшись на место, она, словно ничего не случилось, сообщила, что оттуда явно кто-то за ними наблюдает из бинокля, который делает блики в сторону дома.

Валерий хотел сделать движение, чтобы что-то предпринять, но она его остановила.

– Обнимите меня, – приказала Ольга, – и стойте вот так, на месте и не поворачивайтесь, теперь я его хорошо вижу. А сейчас поцелуйте меня.

Валерий даже вздрогнул от такой вдруг представившейся ему возможности.

– Целуйте, целуйте, не бойтесь, – шептала она, – так бинокль поймет, что мы его не заметили.

Они поцеловались, потом допили бокалы и весело вышли из кадра.

Пройдя подальше от окна, она потерла бок и заметила:

– Крепкие же у вас получились обнимашки, все мои ребра пересчитали. Ну что, ребристая я, по-вашему?

– Почему вдруг ребристая? – все еще под впечатлением от случившегося спросил Валерий.

– Это есть такой анекдот. Лежит Ваня с Маней в кровати. Ваня обнял Маню.

– Мань, ты как батарея!

– Цо, теплая?

– Не, ребристая.

– Это мог быть ваш Полетаев? – сменила она тему.

– Не знаю, но не исключено. Во всяком случае, кто-нибудь из его людей. Уверен, что он теперь не один.

– Что будем делать? Может, обратиться в полицию? – предложила она. – Ни в коем случае, – резко ответил Валерий. – Это бессмысленно! И потом, нет никакого мало-мальски серьезного повода. Мало ли кто за кем подглядывает в бинокль! Потом, вы такая симпатичная, что каждому захочется познакомиться с вами поближе. А если через диоптр, это еще и интимно.

– На каждое «захочется» не напасешься, – с раздражением в голосе бросила она. – В патопсихологии таких типов, которые наблюдают за интимными процессами, называют витунными вуайеристами. Многие тащатся от этих фантазий. Теперь придется ходить как перед скрытой камерой и оглядываться, – сказала она с раздражением.

– Не тревожьтесь, Оля. Завтра с утра я съезжу в Ледовск к друзьям, и мы что-нибудь придумаем.

– Я, в общем, не трусливая, но как я теперь утром буду купаться?

– Купаться будем вместе, когда я вернусь. Оставьте на всякий случай мне ваш телефон.

Ольга продиктовала номер, и Валерий занес его в свой мобильный. Он проводил ее до дома и, вернувшись, позвонил в охранную фирму «Гольфстрим» с тем, чтобы охрана была непосредственно обеспечена на объекте.

Такая охрана в реестр фирмы не входила, но предложенный Валерием гонорар решил вопрос положительно. Через два дня ему были обещаны двое охранников самой высокой квалификации.

* * *

В начале следующей недели, в понедельник, Дрожжин поехал в полицию.

Он долго ходил со своей повесткой из одной двери в дру-

гую, пока его не направили в тринадцатый кабинет. Его принял все тот же капитан Казанец, который приезжал по вызову в связи с ограблением дачи. Встреча неожиданно оказалась плодотворной. По поводу смерти Горина Казанец говорил только как о несчастном случае, приведшем к летальному исходу. Поэтому у Дрожжина сложилось впечатление, что дело Горина принимает односторонний характер и не нуждается в дополнительном расследовании. Он несколько раз пытался доказывать Казанцу, что известная певица Богатова, находившаяся на месте во время инцидента с Гориным, свидетельствует о насильственной смерти полковника, но капитан сослался на то, что этот свидетель – близкий человек покойного и потому не может быть объективным.

Казалось, на этом встреча с капитаном Казанцем должна была закончиться, тем более что по вопросу об ограблении дачи никаких новых данных не было, но Дрожжин сообщил о странных звонках ему и соседу с предложением продажи дачи. Добавил и то, что прошел слух, что на соседнем участке нашли минеральный источник, и, возможно, это стало поводом для приобретения кем-то близлежащих дач. При этом он признался, что за его дачу цену назначают несоответствующую, так как дом старый и не стоит предложенных денег.

Тут Казанец неожиданно пришел в возбуждение, стал интересоваться подробностями, расспрашивать, какие голоса звонили, какую цену предлагали, и даже посоветовал не поддаваться на столь щедрые посулы и оставаться патриотами

своего края. Под конец в виде исключения дал свой мобильный телефон и попросил держать его в курсе событий.

– Не стесняйтесь, звоните мне днем и ночью, я всегда буду готов вам помочь. И вот еще, – доверительно добавил Казанец, – дело это будет у меня лично на контроле. Поэтому не надо сюда вмешивать других.

Он не сказал – начальника РУВД Игнатова, но это и так подразумевалось.

Здесь настало время кратко остановиться на некоторых фактах биографии Казанца, который сыграет большую роль в этой истории, и на том, каким образом он попал в эти края. Казанец родом был из Украины. Еще задолго до печальных событий киевского Майдана он, служивший в «Вымпеле», почувствовал, что надвигаются тяжелые времена. Его старшая сестра Вера вышла замуж в Ледовске за забайкальского казака и не раз звала до сих пор не женатого брата к себе погостить. А тут ей подвернулась подходящая невеста, и на этот крючок Казанец решил клюнуть и поехал в гости на смотрины подружки сестры. Девчонка ему понравилась, и он решил перебраться в Ледовск, оставив под Киевом дом с родителями и младшим братом. Малому, как он называл Сергея, лейтенанту

«Вымпела», оставлялся дом и родители на попечение. Сам же Казанец вскоре женился и с помощью родителей жены и незаурядной житейской хватки построил дом, обзавелся сыном и устроился в РУВД города Ледовска. Но вскоре

Казанца многое стало настораживать – и в характере начальника РУВД, и главное – в размахе того беззакония, которое творилось в районе. Игнатов же, видя, что из Казанца хорошего подручного не получается, поручал ему мелкие, несущественные дела и всячески старался притормозить его в продвижении по служебной лестнице. Казанец не роптал, вида не показывал, а исподволь собирал материал на зарвавшегося начальника. Видя, что Казанец все терпит и покладист, как агнец Божий, Игнатов, когда в Киеве начались приснопамятные события и многие из «Вымпела» стали подвергаться преследованиям, принял на работу и его брата Сергея. Сергей работал в «Вымпеле» связистом. Когда Александр Казанец, старший брат, рассказал малому о том, что вытворяет «хозяин» полиции, братья решили Игнатову всячески противостоять, и Сергей незаметно поставил у Игнатова «уши»-прослушку, и теперь все художества Игнатова с местной и особенно дагестанской мафией обоим братьям были хорошо известны. Поэтому истинную подоплеку убийства Горина братья Казанцы отлично знали. Догадывались они и об истинной подоплеке покупки дач местных жителей, но все же еще не вполне – пока лишь косвенно. Появление Дрожжина и сделанные ему предложения о продаже за баснословные деньги дачи, которая их не стоила, дали Казанцу новый импульс в расследовании. Он понял: не исключено, что за этим стоит большая афера дагестанцев, начавших возню с китайскими арендаторами. Но пока о своих соображениях Каза-

нец не счел нужным делиться с Дрожжиным, а лишь предложил свои услуги.

* * *

Вернувшись из полиции на дачу, Дрожжин все рассказал Ольге, с которой уже успел помириться после ее извинений.

– Не знаю, что сказать Татьяне Георгиевне. Она так надеялась, что дело сдвинется с мертвой точки.

– Папа, конечно, говорить всегда надо только правду, – сентенциозно отозвалась дочка, – но в то же время правду лучше не говорить.

– Что это за логика такая? – недоумевал Дрожжин.

– Вот такая и логика: правду лучше не говорить, но всегда говорить правду.

– То есть? – начал уже сердиться Дрожжин. – Так любое суждение и дело до абсурда можно довести.

– Просто правду надо уметь говорить – в этом вся штука. Мне кажется, что сегодня самым отвратительным человеком будет тот, кто направо и налево будет резать правду-матку. Мы давно привыкли жить в парадигме абсурда. Половину того, что с людьми происходит, они предпочитают скрывать. Вот к примеру: абсолютно очевидно, что ты влюблен в Татьяну Георгиевну. И что ты делаешь? Вместо того чтобы сказать ей о своих чувствах, тебе по какой-то дурной логике надо доискиваться, почему убили ее дружка. Ты видишь, по-

лиция этим не хочет заниматься. Но тебе мало, ты хочешь узнать правду.

– И что я, по-твоему, должен делать?

– Очень просто: хватай эту женщину. Это твой шанс! У тебя хоть жизнь начнется по-настоящему, а то одно только рисование портретов. Не так ли?

Во время этого разговора по телевидению началось выступление руководителя правительства. Ольга добавила звук и минуту слушала речь премьера об очередном успехе правительства. Премьер характерно и знакомо вскидывал голову, подсматривал на подающийся текст во встроенной перед ним камере и при этом все время улыбался. Ольга секунду внимательно слушала и тотчас убрала звук. На экране остался улыбающийся и счастливый Димон без реляций и обычного своего самолюбования.

– Чем мне нравится Димон: он, как вода, принимает форму любого сосуда, заливает напропалую и при этом безнаказанно порхнет на любую другую должность. Все его ругают, но уже постепенно привыкли. Потому что он часть нашего театра абсурда. У нас никудышное правительство – за 15 лет для развития экономики не сделано фактически ничего. Все успехи в экономике достигнуты в отдельных секторах не благодаря действиям правительства, которыми оно щеголяет и хвастает, а назло и вопреки им.

И что, кто-нибудь об этом шумит? Так, краем уха услышишь, что задачи, сформулированные в президентском по-

слании, выполнены на 10 %, да и то криво и после прямого воздействия.

– Ну и к чему ты такое говоришь о правительстве?

– К тому, что у членов правительства, у нас с тобой и у десятков миллионов наших сограждан нет ни малейшего понимания, куда движется страна. Вспомни, чему ты меня учил: «Тайна бытия человеческого не в том, чтобы только жить, а в том, для чего жить. Без твердого представления себе, для чего ему жить, человек не согласится жить и скорей истребит себя, чем останется на земле, хотя бы кругом его все были хлеба». И ведь в этом ты был прав, папа. Но сегодня не только не хотят знать, для чего жить, но и молчат об этом. Правду сказать никто не хочет – все боятся! Так всем легче! При этом меньшинство живет как никогда в России, а большинство бедствует. Разница в доходах между богатыми и бедными примерно в 30 раз. Если ежемесячно разделять деньги России от продажи ресурсов за бугор, то выйдет минимум по десять тысяч долларов на каждую душу. Как говорит мой любимый экономист и преподаватель нашего университета Георгий Николаевич: «Бывшую сверхдержаву перемонтировали в сырьевую периферию мирового хозяйства».

– Это что, фрагменты из твоей диссертации?

– Угадал, это приложение по статистике.

– И зачем тебе нужна для диссертации сомнительная статистика? Ты лучше напиши под грифом имярек следующее: «Мне кажется, что Россия почти единственная страна, кото-

рая говорит миру правду». Рано или поздно мир это оценит. Мы, дочка, великая страна! А статистика, а тем более всякая западная брехня – это из басни Крылова о Слоне и Моське. И нам надо на это смотреть как на неизбежность. С тех пор как появился на карте СССР, который победил Германию, они до сих пор не могут прийти в себя.

– Вот с этим я согласна: если бы СССР удалось сохранить и законсервировать на уровне простого воспроизводства, то 80 % жителей РФ жили бы более чем в три-четыре раза лучше, чем сейчас. Так что история древнего Рима повторяется. Поэтому, отец, давай не будем заниматься поисками смыслов, а сосредоточимся на твоем счастье. Когда у тебя встреча с Татьяной у мольберта?

– Скоро, через полчаса.

– Работа закончена?

– Практически да.

– Вот ты возьми и увяжи конец работы с признанием, что без нее жить не можешь. И не отходя от мольберта сделай ей предложение. Надо брать быка за рога. А то на следующих гастролях у нее обязательно найдется какой-нибудь длинноволосый, который захочет ее охранять и заодно насладиться признанием.

Дрожжин за последнее время чаще общался с дочерью по телефону, поэтому, когда Ольга в этот приезд начинала что-то говорить в таком духе, терялся и не мог понять, где она этого всего нахваталась. Потом вспомнил о том, что дочь го-

товит диссертацию, стала работать и печататься, и ему пришла мысль, что он прозевал, когда она повзрослела и стала такой незаурядной личностью.

– Насчет меня ты, может быть, и права, – сказал он под конец этой очередной стычки, – но о правительстве, да и вообще о политике не впадай в такой диссидентский тон. Не люблю я этого пренебрежительного отношения к власти и нашей жизни. И потом, это небезопасно.

– И я не люблю, папа. Но что поделаешь, наше «правое дело» остановилось. А всякий застой порождает желание его преодолеть, а с этими людьми это не получается.

– Ну конечно, с другими все получится.

– Не обязательно, но есть шанс. Не люблю длинных цитат, но одну запомнила, потому что она является эпиграфом к моей диссертации: «Будущее принадлежит только тем людям, которые достаточно порядочны, чтобы раскаиваться, и тем людям, у которых хватает сил, чтобы исправить свои ошибки».

– Это кто же так красиво рассуждает? – раздался голос Татьяны Георгиевны, незаметно вошедшей в дом.

Увидев певицу, Ольга сразу переменилась, сообщила, что цитата не из кого-нибудь, а из самого Байрона, и стала предлагать гостье до начала работы выпить чаю. Богатова пришла раньше назначенного времени, была одета в платье, в котором она позировала, и поэтому, обернувшись к Дрожжину, спросила:

– Если маэстро разрешит своей подопечной до работы выпить чаю, то я готова.

В это время у Ольги зазвонил мобильный.

– Танечка, извините, я на минутку, – проговорила Ольга и побежала на балкон. Она ждала этого звонка и не ошиблась – звонил Валерий.

– Вы куда пропали, мой друг? – набросилась она, поняв в эти два дня, что ей скучно и не по себе без этого человека.

– Я пропал по неотложным делам и послезавтра к вечеру, скорее всего, вернусь.

– Вы обещали ненадолго, а пропали почти на целую неделю. У вас что, сессия с молодыми студентками?

– К сожалению, есть проблемы помимо студенток. Но одно я не могу понять: что случилось, что мы перешли на «вы»? В чем я виноват?

– Случилось то, что мне кое-что нужно из вашей библиотеки, а также случилось и то, что я разленилась и ничего не делаю. А потом, ты обещал мне, что будем ходить на речку.

Последнее «ты» успокоило Валерия, и он заверил, что больше пропадать не будет и послезавтра утром появится у калитки с цветами и фруктами.

– Посмотрим. Кстати, что за фрукты? – капризно спросила она.

– Разные.

– Груши есть?

– Пока нет, но будут.

– Хорошо, тогда послезавтра в восемь утра жду внизу у моего балкона.

– С плащом и шпагой?

– Нет, только со шпагой. До встречи, Ромео.

Она отключила телефон и вернулась на кухню.

Здесь уже закипал чайник, а Дрожжин хлопотал вокруг стола, нарезая сыр и брынзу. К общей радости, нашлось полбанки яблочного джема, который любила гостья. Стали чаевничать и вести светскую болтовню на разные темы.

Когда решено было наконец пойти работать, Богатова попросила минуту внимания.

– Поскольку сегодня последний сеанс, я, как мы договорились, приготовила ужин и намерена с вами, Виктор Алексеевич, и, конечно, с Оленькой отметить окончание работы.

– Хорошо, отметим, – быстро согласился Дрожжин и обернулся к дочери. – Ты согласна?

– Папа, это прекрасная идея, но мне только что звонили. И у меня вечер, к сожалению, оказывается занят. И потом, я должна работать. Я здесь обленилась вконец. Все, я вас оставляю.

Перед уходом она незаметно, но выразительно посмотрела на отца, взяла со стола большую кружку недопитого чая и пошла к себе.

Как только Ольга вышла, Богатова подсела ближе к Дрожжину и таинственно прошептала:

– Теперь мы с вами навсегда рядом.

У Дрожжина округлились глаза, он подумал, что Татьяна слышала, что Ольга пророчествовала в их адрес.

– Таня, ты прости Ольгу. У меня у самого от нее голова идет кругом, за последний год она сильно изменилась… Критикует все подряд, в том числе и меня.

– Перестань, у тебя прелестная дочка: и умница, и красавица, – отвечала Татьяна, доставая из принесенной папки какую-то бумагу.

– Она фантазерка, ей не терпится сделать всех счастливыми. Но она права, я действительно должен сказать тебе, Таня, что-то очень важное.

– Давай по очереди, Виктор. – Она с нескрываемой гордостью протянула ему бумагу и объявила: – Я ее нашла.

– Что это?

– Дарственная на мое имя. Это копия, но заверенная, с подписями и печатью. Теперь я официально ваша соседка, дорогой Виктор Алексеевич. Когда Миша вручил мне дарственную на этот участок, я отнеслась к этому сдержанно и даже равнодушно. Все равно, думала я, на этом участке конь не валялся, пусть будет мой, если ему так хочется. Но когда меня выгнали из его дома, украли оригинал этого документа, да еще унизили, выставили вещи, хотя я заявила о своей готовности оплатить все – похороны, поминки, место на кладбище, а вместо доброго слова со мной даже разговаривать не стали, во мне закипела прямо-таки злоба на этих родственников. Правильно сказано: «Последний раз надоедаешь род-

ственникам в день похорон». Видеть их не могу! Я все пороги оббила к Игнатову, а из них никто даже не появился. Марина, его бывшая жена, заявляет: «Умер – что тут поделаешь, такая судьба». Как тебе это нравится?

Она секунду помолчала, аккуратно сложила в папку дарственную и продолжила:

– Мишу не вернешь, вот и ты молчишь после поездки в полицию. Ну, что-нибудь сдвинулось с места?

Дрожжин отрицательно помотал головой и коротко сказал:

– Версия, что это несчастный случай. Дело практически закрыли.

– Ну вот, я так и знала. А я им здесь открою дело, – воскликнула она и сжала кулаки. – Никакими угрозами они меня отсюда не выкурят. Упрусь, как китайская стена. Вот бумага, она заверена, на ней печати и подписи. Все – это мое! Это подарок Михаила, и он дорог мне как память о нем.

Дрожжин повертел в руках документ, увидел, что он юридически и правомерно действительный, и неожиданно поцеловал ее в щеку.

– Поздравляю, это официальный документ, и теперь никто не посмеет лишить тебя права на этот участок.

– Спасибо. Ты знаешь, такое упрямство во мне проснулось! Полночи не спала, все думала, какой дом здесь построить. Виктор, я очень хочу, чтобы ты мне его нарисовал. Конечно, нужен архитектор, но когда есть рисунок, легче будет

и договариваться, и строить. С другой стороны, тут стало так неспокойно, что я стала плохо спать и постоянно боюсь чего-то.

Дрожжин тут же возразил:

– Неправда, найденная дарственная пошла тебе на пользу, выглядишь ты прекрасно и решительно, словно Хозяйка медной горы.

– Завтра у меня афишный концерт в Ледовске, а потом недельный отпуск, и я его проведу здесь.

– Как ты собираешься ехать в Ледовск? – внезапно спросил он.

– Обещали машину к обеду.

– А может, я тебя отвезу?

– Прекрасно, я за.

– Выедем пораньше, чтобы не торопиться. Перед концертом ты отдохнешь, а я с удовольствием тебя послушаю. Сюда вернемся, когда ты захочешь.

– Подожди, ты только это хотел мне сказать?

– И это тоже.

– И больше ничего? Ты знал, что у меня концерт в Ледовске?

– Знал.

– Откуда?

– Прочитал в интернете. Узнал, что все билеты проданы, и решил напроситься с тобой.

– Витя, тогда прошу тебя, давай возьмем мой портрет в

Ледовск. Я столько наговорила моим девочкам из бэк-вокала об этой работе, о художнике Дрожжине, что мне не хочется их обманывать и разочаровывать.

– Хорошо, только пойдем, я поправлю фон. Получилось какое-то неведомое черное пространство, как у Пиросмани. Я знаю, что нужно сделать: фон должен быть светлее, а за окном разросшаяся сочная зелень.

Они поднялись на второй этаж, где после случившегося ограбления Дрожжин наконец разместил на стенах картины, а в самой светлой части мансарды, где были два полуовальных окна, устроил что-то вроде мастерской.

* * *

Ольга и впрямь желала счастья своему отцу. Измену матери и ее отъезд за границу по негласной внутренней договоренности они с отцом не обсуждали. Но по какой-то женской логике часть вины за случившееся Ольга брала на себя. Особенно ей тяжело было вспоминать, что в момент выбора она, соблазненная материнскими посулами о заокеанской жизни, хотела тоже уехать и оставить отца одного. Получалось, что они обе человека, который не только их любил, но на протяжении более чем двух десятилетий тянул и поддерживал, бросали одного, словно признавая виновным за то, что там – за кордоном – живут лучше и сулят большее счастье, чем то, что мог предоставить им он.

Теперь, когда неожиданно появилась женщина, которая явно была достойна отца, видя его счастливым и влюбленным, она с радостью стала содействовать этому союзу. Особенно ей запомнилось искреннее и откровенное объяснение Татьяны о ее связи с покойным Гориным и та оценка, которую певица высказала по отношению к мужчине, за которого могла бы выйти замуж. Это было озвучено в присутствии отца, сказано не впрямую, но с таким акцентом и смыслом, что Ольга это запомнила навсегда. Она почувствовала, что подобный взгляд отвечает и ее представлениям о браке. Вот и сейчас, думая о звонке и скором возвращении Валерия, она вдруг стала испытывать острый интерес к этому знакомству. Она задала себе вопрос: не под влиянием ли Татьяны у нее появились какие-то серьезные намерения по отношению к этому молодому человеку и ожидание возвращения Валерия больше чем, легкого флирта и общения с любым очередным мужчиной. Интуиция ее не обманывала, Валерий тоже сразу отнесся к ней горячо, искренне и увлеченно. Этим первым признакам влюбленности Ольга очень доверяла, а в этом случае даже вывела формулу: приехала к отцу, а получилось по Божьим чертежам – встретила того, кого даже не мечтала увидеть.

«Неужели и впрямь это он, тот, кто мне нужен!» – думала Ольга, поминутно прислушиваясь к своим чувствам. Странно, но ее не смущало ни то, что они знакомы несколько дней, ни то, чего боится любая женщина, готовая сойтись с муж-

чиной близко, – ожидание привычного финала, по принципу народной мудрости – «поматросил и бросил», нет, ничего этого она не боялась. Боялась она другого, она чувствовала, что за его поведением, несомненной самостоятельностью и обеспеченностью кроется какая-то тайна. Про родителей он говорил кратко: бывшие врачи, держат аптеку в Ледовске. О своей работе математика в институте и вовсе говорил неохотно, как о террариуме единомышленников. Тогда откуда этот достаток: заплатил отцу за картины большую сумму денег из собственного сейфа, построил роскошный особняк, готов субсидировать местного бизнесмена в борьбе за получение участка под непростой бизнес – рыбоводство? Она вспомнила о том, когда они разговорились в его доме о пришедшей к Онегину Татьяне и о той оценке, какую сделала она своему возлюбленному. Но теперь и она, как пушкинская героиня, не могла ответить, что он все-таки за человек и какая тайна за ним стоит. Странный человек – вдруг без всяких объяснений уехал и ни одним словом свой отъезд не объяснил. Как психолог Ольга быстро вычислила, что близкой женщины у него нет, но есть то, что скрыто от нее и, пожалуй, ото всех. А вот что ей запомнилось больше всего, так это комната в его доме, переполненная компьютерами. Прямо-таки какой-то вычислительный центр.

А ни хакер ли он? Не взломщик ли он, этот математик, чужих сейфов и валютных счетов? А может быть, он сейчас играет в карты? Ведь недаром говорят, что многие бывшие

математики в наше время стали великолепными картежниками, подумала она и пришла в ужас, как далеко заглянуло ее, современной Татьяны, воображение.

Утром, после отъезда на концерт отца и Татьяны, Ольга решила наконец засесть за работу. Несколько дней она подбиралась к сюжету своей статьи и не знала, с чего ее начать. И вдруг неожиданно все пошло: новые лица и ощущения, связанные с поездкой, сами собой подсказали, о чем должна быть статья. «Статья будет и хорошей, и полезной, – рассуждала она, – если разговор пойдет о главном: о мужчине и женщине». Она достала все свои блокноты, испещренные карандашными записями, развернула пару книг по статистике и материалы Росстата с ежемесячными сведениями о занятости населения, – которые захватила с собой, чтобы не рыться в интернете, и приступила к работе. Для того чтобы точнее выстроить завязку, она решила начать с проблемы рождаемости. Понадобились некоторые статистические данные, и прежде всего, по странам-соперникам. Выяснялась простая, но существенная вещь: соотношение репродуктивного возраста мужчин и женщин! Так, в США за последние 30 лет население выросло на 90 миллионов, но не за счет эмигрантов, среди них прирост всего лишь на полтора миллиона. Все решается соотношением между полами. Мужчин в Америке намного больше, и в каждом штате своя статистика. При этом у них не ограничиваются провозглашением прав обоих полов, а создается равенство возможностей в осуществ-

лении этих прав и для мужчин, и для женщин. (В скобках она отметила статистику и главного соперника США – Китая, где на 1200 мужчин приходится всего лишь 1000 женщин, а в некоторых провинциях эта цифра достигает 1400 на 1000.) Далее она перешла к России, где на 1174 женщины всего лишь 1000 мужчин. Из этой тысячи, к сожалению, вычитается большая часть, которая представлена алкоголиками и наркоманами, а кроме того инвалидами и нетрудоспособными.

На полях Ольга добавила:

«Если учесть, что к числу бедных по лишениям относится 39 % россиян, то в связи с этим откуда взять силы и возможность на репродуктивный климат? Отсюда и демографические показатели. Чистый коэффициент воспроизводства населения снизился до катастрофической цифры – 0,6. Такого беспрецедентно низкого уровня воспроизводства ранее в нашей стране не отмечалось даже во время войны». Дважды она подчеркнула одну горькую и трагическую мысль: идет процесс депопуляции и вырождения нации. Один абзац она набросала на отдельной странице и написала: «Мои окаянные мысли»: «Если говорить, в чьих интересах изменился строй и кто в результате проиграл за эти двадцать лет, так это именно эти “нерепродуктивные” люди. А их большинство в России. Послушаешь телеведущих – ну не жизнь у нас, а просто рай. В доказательство они и видеоряд поставят, и музыку популярную запустят, и обязательно найдут тех, кто

даже сейчас, после всевозможных санкций и свалившейся вопиющей дороговизны, всем доволен. Но если вспомнить, что большинство наших граждан лишилось своих сбережений, прав на участие в бывшей общенародной собственности, устойчивого социального положения и достойного уровня жизни, то очевидно, что рожать детей, ждать восстановления сбережений и справедливости со стороны государства пока бессмысленно. Что же тогда делать? Ведь я патриотка, люблю Родину, готова ради нее отдать жизнь, но она, эта самая жизнь, при таком прозябании не в радость, а в наказание!» Она вдруг вспомнила Высоцкого и добавила цитату: «Нет, ребята, все не так, все не так, ребята».

В самый разгар работы, когда она находилась в творческом запале, резко и не вовремя задребезжал мобильный. Она прислушалась и с первых слов поняла, что это тот голос, который она не могла забыть.

– Как его? – и вспомнила: – Полетаев!

От внезапного шока она хотела сразу его перебить, сказать, что она все про него знает, никаких угроз не боится, но решила вначале выслушать.

– Здравствуйте, это по поводу дачи, – зазвучал скрипучий гортанный голос. – Итак, прошла ровно неделя, как вы обещали подумать, договориться с отцом и уступить эту дачу за цену, которую мы вам предложили. Повторяю, прошла ровно неделя! Какое решение вы приняли?

Ольгу привели в ярость даже не слова, а тон, которым

они были сказаны: прокурорский и безапелляционный. Люди, которые хотят что-то купить, по крайней мере, стараются произвести хорошее впечатление, а тут каждое слово – как будто судебный приговор.

– Повторяю, прошла ровно неделя!

Ольге что-то в голове стучало – не ссорься, старайся повернуть разговор в доброжелательное русло.

– Скажите, пожалуйста, откуда вы знаете мой телефон? Я помню точно, что я его вам не давала/

– Вы популярная личность в «Fasebook», поэтому найти ваш телефон не составило никакого труда. Во-вторых, мы хотим иметь дело с тем, кто заинтересован в продаже дачи. Послушайте, вы же разумный человек: за деньги, которые мы вам предлагаем, вы сможете купить и большую квартиру, и дачу под Москвой и, главное, поможете тем людям, которые хотят жить именно здесь.

– Я могу рассчитывать на вашу честность?

– Конечно.

– Зачем вам нужна именно эта земля?

– Вы как, влюбляетесь в того парня или – не в того?

– Наверное, в того.

– Что вы цените в мужчине?

– Это что, кроссворд? Впрочем, скажу: я ценю в мужчине прежде всего талант, потом скромность и в последнюю очередь амбиции и статус.

– Вы забыли еще одно свойство: хладнокровие, достиже-

ние цели любыми средствами…

– Смотря какими!

– Мы покамест не перегибали палку. Мы все время просим, добавляем цену и надеемся наконец, что вы согласитесь! Нормальные люди тут бы и раздумывать не стали. От счастья бы прыгали до потолка.

Последняя фраза ее буквально взорвала. Она набрала воздух, и ее понесло без остановки:

– Вы, господин Полетаев, превосходите все возможные рамки и действительно ведете себя хладнокровно и, добавлю, в высшей степени цинично! Вы настроили против себя всех. И вы не назвали того, о чем мы договаривались.

– Ай-ай-ай, о чем же мы это договаривались? Мы договаривались, что я позвоню через неделю, я это, как видите, и делаю. Ни о чем другом мы не договаривались!

– Нет, неправда, мы договаривались совсем о другом. Мы условились, что вы наконец перестанете врать и скажете, для чего вам нужна наша земля, потому что сам дом уже стар и не стоит той суммы, которую вы предлагаете. Поэтому, посоветовавшись с моим отцом, владельцем этого дома, мы решили вам в его продаже отказать и просим больше нас по этому вопросу не беспокоить!

– Вы сильно пожалеете об этом. И очень скоро! – гневно выкрикнул Полетаев.

– Ваша угроза будет передана в полицию, и тогда посмотрим, кто о чем пожалеет. И запомните, полковник Игнатов

найдет на вас управу.

Ольга отключила телефон, присела от волнения на тахту и тотчас пожалела, что брякнула про Игнатова – сорвалось первое ментовское имя, которое было на слуху.

– По всей видимости, они здесь одна шайка-лейка, а я со своими угрозами как пугало среди волчьей стаи.

Вдруг вспомнив, что в целой округе она одна, Ольга вскочила и бросилась в подсобку, где в углу она видела ружье, принадлежавшее когда-то деду Алексею. Подсобка по давней бесхозности была завалена разным скопившимся за многие годы барахлом, но приклад ружья она сразу заметила и осторожно вытащила его из общей кучи. Ствол ружья был замотан в плотную замасленную ткань, но в развернутом виде старый дробовик выглядел грозным оружием. Обшарив разные коробки, она нашла одну, на которой выцветшим фломастером было написано: «16-й калибр». Патронов оказалось немного, всего шесть штук. Схватив все это богатство, она ринулась наверх и, заняв оборону у окна, стала поджидать возможные последствия состоявшегося разговора. Но вскоре стало темнеть, наступивший вечер, напряженное ожидание постепенно измотали ее. Немного погодя она, не раздеваясь, заснула, проснулась около одиннадцати вечера. Спустившись вниз, Ольга еще раз проверила входную дверь, пристально вгляделась в очертания двора, нет ли засады или подозрительных теней, и, успокоившись, поставила чайник, чтобы перекусить. Ужин оказался поздним, но

вполне сносным. Она даже выпила рюмку мартини, принесенную еще Татьяной. Посмотрев на часы, она решила позвонить отцу, но потом передумала.

– Чего беспокоить молодых, да еще после концерта, – решила она и случайно включила телевизор.

По ледовскому каналу шел информационный блок о только что прошедшем сольном концерте любимой певицы города – Татьяны Богато-вой. Татьяна Георгиевна, во всей красе расшитого русского сарафана, давала интервью после концерта, и рядом с ней Ольга увидела отца.

– Ну все, слава богу, попался, – усмехнулась она и вдруг вдалеке услышала выстрелы. Вначале она подумала, что это фейерверк по какому-то случаю по телевидению, но, убрав звук, поняла, что стреляют рядом. Она бросилась наверх и взглянула в окно. В доме Валерия горел свет, и выстрелы раздавались в той стороне. Не раздумывая, она надела куртку, положила в нее патроны и, захватив ружье, выбежала из дома. Все ее попытки понять подноготную и тайны нового знакомого вдруг ушли куда-то в сторону, далеко и безоглядно. Сейчас она рвалась на помощь. Она совсем не думала, чье это дело, ее или нет! Для нее важно было ему помочь. Если надо, спасти! Выстрелы звучали со стороны брошенного участка, ставшего непригодным для строительства дома. Дорога к нему была плохо освещена, и она вынуждена была бежать осторожно, стараясь не оступиться и не упасть. Неожиданно издалека стал нарастать звук работающего мо-

тора. Это был мотоцикл. Фара резанула ей по глазам, она отскочила в сторону и, подвернув ногу, упала. Мотоцикл на огромной скорости проскочил мимо и скрылся за поворотом их дачи. Нога заныла, но она встала и, не обращая внимания на боль, побежала к месту, откуда раздавались выстрелы. Оказывается, под забором, охватывающим участок Валерия, был лаз, который, по всей видимости, исчезнувший мотоциклист не успел заделать. Не раздумывая, она пролезла внутрь и, выбравшись на участок, стала пробираться к дому, на освещенное место.

Ольга понимала, что опасность позади, налетчик исчез, но что с Валерием – жив ли он, не ранен ли, – она не знала. Поэтому шла вперед медленно, непрестанно осматриваясь по сторонам, не раздастся ли откуда-нибудь стон или призыв о помощи. Вдруг мощный свет ослепил ей глаза.

– Руки! – раздался еле узнаваемый голос Валерия. – Слышишь, ты, сука, подними руки и выходи наверх, иначе я буду стрелять!

«Господи, он жив!» – мелькнуло у нее в голове, и она истошно закричала:

– Это я, это я! Валерий, это я, Ольга!

– Оля, это ты?

– Да-да, это я, Валерий!

– Господи, как ты сюда попала?

– Через дырку в заборе. Там есть лаз. – Она указала в темноту, где ребристыми боками проглядывал забор. – Валера,

я подвернула ногу, помоги мне выбраться.

Он стал быстро спускаться, закинув на плечи ружье. Подойдя ближе, они не выдержали и бросились друг к другу. Она прощупала руками его голову, плечи и осипшим от волнения и потрясения голосом прошептала:

– Неужели ты жив? Я думала, что тебя убили. Так испугалась, что бежала как сумасшедшая. Он пролетел мимо. Чуть не сбил меня. Ну что, мы так и будем стоять?

Она легким движением руки освободилась от его объятий и попробовала ступить на больную ногу, но тут же вскрикнула. Сильная боль пронзила ее.

– Ну вот, героиня пришла в негодность. Не знаю, что теперь делать. Она развела руками, и тогда он, передав ей фонарь и закинув оба ружья за спину, легко подхватил ее на руки и понес из котлована вверх, на ровное место. Фонарь у нее болтался в разные стороны и неожиданно осветил то место, где, по всей видимости, только что кто-то работал. Там валялся какой-то инструмент и плотно набитый рюкзак.

– Смотри, он здесь что-то искал. Вон там рюкзак и какие-то инструменты.

– Потом, все потом… Вначале надо посмотреть, что с ногой.

Он поднял ее наверх, на секунду опустил, как аиста, на одну ногу и снова понес прямо к дому. Положив ее в прихожей на кушетку и сняв ружья, он стал осматривать ее ногу. Кажется, перелома не было.

– Олечка, это растяжение, сейчас повяжем эластичным бинтом, и ты сможешь ходить.

Действительно, минут через десять она уже смогла пройти в гостиную и попробовать какой-то предложенный им напиток.

– Это что?

– Это вино по рецепту графа Орлова-Чесменского. Готовится в Самаре фирмой Чебалиной. В нем есть и успокоительные травы.

– Валера, я успокоюсь только тогда, когда ты мне объяснишь, что здесь произошло. Кто в кого стрелял, и что за раскопки у тебя на участке? Там ведь остался рюкзак, что в нем?

– Подожди, я сейчас. Он может вернуться.

Валерий схватил свою трехстволку, выскочил из дома и, освещая фонарем дорогу, спустился в котлован. Найдя в заборе лаз, он заделал его брошенным со времени стройки деревянным щитом, подпер скатавшимися в цементе стропилами и, захватив рюкзак и инструменты, вернулся к Ольге. Понимая, что от нее полуправдой не отделаешься, и увидев во всей прелести ее отношение к себе, он решился рассказать все начистоту. Он и сам понимал, что молчать больше нельзя, иначе все может закончиться несчастьем, непоправимой бедой.

– Ольга, во-первых, спасибо тебе. Ты такая… В общем, молодец!

Я восхищен тобой. Я решил тебе все рассказать. Но у меня

к тебе одна просьба: пока это строго между нами. Хорошо?

– Хорошо, хорошо, я никому ничего не скажу. Скажи, это что-то преступное, уголовное, раз ты боишься?

– Мне нечего бояться, это моя земля.

– Покажи, что в рюкзаке, золото?

Валерий быстро открыл в спешке брошенный рюкзак и вынул из него два камня величиной с ладонь.

– Что это такое?

– Если говорить по-научному, то это минерал из тремолит-актинолитового изоморфного ряда группы амфиболов, силиката кальция и железа. А по-простому этот камень называется – нефрит. Бывают светлые и зеленые оттенки. Это белый непрозрачный и чистый нефрит, похожий на легендарный лотос. На мировом рынке он ценится больше всего.

– У нас был такой, его нашел дедушка, – заговорила она, завороженно глядя на ладони Валерия, где, словно услышав себе оценку, камни стали переливаться и играть всеми цветами радуги.

– Китайцы говорят: «Золото имеет цену, нефрит – бесценен».

– Здесь почти полный рюкзак, сколько стоит все это? – спросила она.

Он взвесил на руке содержимое рюкзака и ответил:

– Поскольку это необработанные камни, то они стоят примерно около тридцати тысяч долларов!

– Господи, какое испытание.

– Не пугайся, нефрит – символ вечной любви. Это камень победы и бессмертия. Камень нельзя поцарапать даже сталью, он изгоняет искажения, лечит почки.

Валерий все больше увлекался и не мог остановиться:

– Говорят, из него сделан трон Будды. Подвеска из нефрита была у Александра Македонского. Когда он во время купания оставил ее на берегу Евфрата, удача его покинула. Мне повезло, во время копания фундамента я наткнулся на эти залежи. Полетаев, геолог по профессии, сразу понял, что это нефрит. Лабораторная проверка дала стопроцентный результат, это самый дорогой нефрит в мире. Потом он потребовал своей доли, и мы разошлись, когда его алчность превратилась в прямой бандитизм.

– Валера, милый мой, ты уверен, что то, что ты нашел, – это удача? – негромко спросила она и уставилась на него встревоженными глазами. – Ведь ты теперь мишень. Они от тебя не отстанут.

– Они, Оля, не отстанут и от вас, потому что линза нефрита от моего участка тянется к Горину, затем к вам, а дальше – к ферме, которую хотят выкупить люди Полетаева. Если они получат там якорь, то следом они будут любыми средствами выживать нас.

– Почему ты молчал все это время? Ведь если бы мы знали, то можно было принять какие-то меры, что-то предпринять. Возможно, что смерть Горина как-то связана с этим.

– Мне кажется, что Горин знал о нефрите и играл ка-

кую-то свою игру, которую вычислил Игнатов, – согласился Валерий, – цепочка идет через дагестанцев к Игнатову, а дальше, возможно, в Москву, на самый верх.

– Ты сам слышал, что ты сейчас сказал? При таком раскладе на какую игру рассчитываешь ты? У тебя есть выход и шанс?

– Я ездил в Ледовск, хотел подать заявку на лицензию и сделать ООО ПТП на поиск, разведку и добычу нефрита. Но в нашем Витумском районе внезапно приостановили право пользоваться лицензионными условиями. Генпрокуратура выявила нарушения законодательства о защите конкуренции. Конкурсы на право пользоваться месторождениями уже полгода как регулярно отменяются, но при этом фактически идет нелегальная разработка минерала на многие миллионы рублей. В нашем случае они рассчитывают именно на такой способ добычи. Убежден, пока не подкупят нас или не решат с нами как-нибудь иначе, лицензий в нашем районе давать не будут. Полетаев убедил своих подельников, что здесь большое месторождение, и они сделают все, чтобы его присвоить. Поэтому у меня нет никаких шансов создать компанию и работать легально. Вот почему я никому из вас ничего не говорил. Ты узнала первая и, надеюсь, последняя.

– «Узнала первая», смотри, какая честь! Ну и что из того, что я узнала? Тебя к черту убьют, а что буду делать я? У нас, судя по тому, что ты мне рассказал, и если здесь действительна еще присутствует и рука Москвы, практически

нет выхода.

– Есть. Это сам нефрит. Во-первых, он защищает людей, которые его находят, и к тому же осуществляет главную заповедь: «Не волнуйся и не спеши: дней в году много».

Она помолчала и, оглядев все вокруг, сказала:

– Так, значит, этот дом и все, что в нем куплено, куплено на нефрит?

– Нет, часть я заработал на бирже.

– Ты игрок?

– Да, я играю на бирже.

– Господи, с кем я связалась? Ты, оказывается, совсем плохой мальчик.

– Таких «плохих мальчиков» во время недавнего обесценивания рубля в верхнем эшелоне власти было сколько угодно. Разница только в том, что они догадывались о курсе ЦБ, а я просчитывал технологически.

– И как это все происходило?

– Тебе правда это интересно?

– Да, вдруг твоим помощником стану.

– Тогда коротко, для общего образования: когда Центральный банк России отказывается поддерживать стабильный курс рубля, на рынке начинается господство игроков.

– То есть спекулянтов?

– Мне не нравится это определение, но, если тебя устраивает, пожалуйста. Монопольное положение при этом занимают иностранные финансовые структуры, их доля от 60 до

90 %.

– А сколько в игре у нас?

– Вес нашего валютного финансового рынка составляет 0,6 % от мирового. Так что любое дуновение спекулятивного ветерка с Запада сразу же повергает наш рынок в турбулентность. Итак, по этому компьютеру, – Валерий включил крайний из них, – идет информация об усилении финансовой волны в нашем направлении. Я вижу, как подключаются некоторые компании к безграничному кредиту от ФРС, от ЕЦБ, от банка Англии… По этому компьютеру я слежу за надвигающейся волной нашего ЦБ. Понимаю, что начинается колебание курса. Сейчас надо угадать, куда и на какие цифры ставить. Это делается по этому компьютеру. На этом я подсчитываю разбег колебаний. С этим, главным, я начинаю работать по своим вкладам. Для глобальных игроков ключевая ставка нашего ЦБ не проблема. Поэтому надо вычислить, где прибыль, и туда точно сыграть на повышение или понижение. В этой ситуации надо обязательно учесть денежную массу наших банков, которым ЦБ выделил деньги на кредитование экономики, но банки вместо этого используют эти деньги в нашей общей игре. Однако это только технология, Ольга, а вывод следующий: в нашей экономике сформировался гигантский и единственный центр сверхприбыли – это Московская биржа. Здесь умелые игроки получают свою долю. В прошлом году Московская биржа пропустила через себя около четырех триллионов долларов, что более чем вдвое

превышает наш ВВП. В заключение хочу сказать, что ни одного из этих трейдеров ни в чем не обвинили.

– Значит, эти спекулянты остаются на воле и живут в свое удовольствие, не выходя из дома?

– Совершенно верно! Но эти типичные в мировой практике операции carry trade рассматриваются финансовыми регуляторами всех стран как нежелательные, но неизбежные.

– И сколько может положить на свой счет отдельный игрок?

– Все зависит… – Валерий сделал паузу и задумался.

– От таланта? – подколола Ольга.

– Не только, важно и везение. Но когда ты технически подготовлен, везение, как правило, сопутствует.

– Вот почему у тебя столько компьютеров.

– Да, это рабочая площадка бывшего преподавателя математического факультета, кандидата математических наук Валерия Гольцова.

– Гольцов, а ведь тебя могут посадить.

– Я капля в море. Когда играют государственные структуры, бессмысленно искать состав преступления.

– Но вы же, наверное, продавали и нефрит?

– Нефрит мы добывали специальными сверлами с алмазным напылением. – Он поднял с пола инструменты и показал их Ольге. – Продали только тонну через соседей-китайцев. У них есть способ переброски необработанного нефрита в Поднебесную. Получили немалые деньги и клятвенно реши-

ли завязать с нелегальщиной. Я хотел открыть ООО ПТП, по типу «Каскада». Полетаев был категорически против.

– Почему? – спросила Ольга.

– Я становился владельцем, а он – наемным рабочим. Это его никак не устраивало. Я с ним до копейки рассчитался и с помощью фирмы «Гольфстрим» выгнал. Но он никуда не уехал. Он родом из Дагестана, а их здесь вагон и маленькая тележка. Сработал клановый инстинкт. Они выкупают все, что продается. И покупают не на свои деньги. Вот откуда эти звонки и такие цены. Выкупив эту землю, они за короткий срок добудут здесь миллионы долларов.

Стоило ему произнести последнюю фразу, как по потолку и стене скользнул свет автомобильной фары. Валерий ринулся к окну. Со стороны дороги нешумно подъехал внедорожник. Схватив брошенную на полу трехстволку, он побежал через ступеньки наверх, в мансарду. Из машины выскочили несколько человек и крадучись двинулись в сторону дома. Он открыл окно и стал ждать, кода подойдут ближе. Неожиданно за его спиной оказалась Ольга. Она открыла еще одно окно, вставила в ствол дедовской одностволки патрон и притаилась в ожидании схватки.

– Пришли за рюкзаком, думают, что он на месте, – шепнул Валерий, прижимая крепче приклад. – Я все их планы нарушил. Они думали, что я приеду завтра, а я появился сегодня.

Через некоторое время стало понятно, что лаз не поддавался – и подперт основательно. Тогда один из налетчиков

от безысходности и злобы прыгнул на забор, и вдруг сработала сигнализация. Гул и вой поднялся такой, что вся группа наперегонки бросилась к машине, и, развернувшись на небольшом пятачке, внедорожник погнал подальше от наделанного шума.

От пережитого волнения они оба почти бессознательно обнялись, и Валерий поцеловал ее.

– Молодец, ты меня не удивляешь, а покоряешь. Откуда такая смелость?

– Не знаю, так получилось, – отозвалась она, и они бочком, друг к другу прижавшись, стали спускаться на первый этаж. Внизу он обнаружил свой мобильный и успел остановить бригаду, выезжающую на вызов по его адресу. В баре нашелся коньяк и мартини, которое ей в прошлый раз так понравилось. Но она не стала пить вермут, а выпила коньяку и вдруг начала дико хохотать, очевидно, на нервной почве.

– Как они рвали когти, эти хозяева Кавказа! Никогда не забуду.

Она вытащила из своего ружья патрон и сказала:

– На видном месте в рамочке поставлю, чтобы папа мной гордился.

А теперь я хочу под душ.

Она странно посмотрела на него и добавила:

– Пожалуйста, если не трудно, отнеси меня туда.

Он отнес ее в ванную, потом передал ей через дверь красивый итальянский халат, ни разу и не примеренный его

бывшей женой, и когда она после душа выпорхнула, разрумянившаяся и еще более желанная, он поцеловал ее по-настоящему, в губы. Потом он отвел ее в свою спальню, а сам пошел в детскую, так никогда и не служившую в его браке по назначению. Но вдруг в спину долетел голос:

– Валера, я не засну. Ляг, пожалуйста, рядом.

Она оказалась права: они оба так и не заснули всю ночь. Утром ей позвонил отец.

– Мы с Таней приехали, а тебя нет. Где ты ночуешь?

– Папа, я у Валеры. Мы скоро будем.

– У тебя все в порядке, дочка?

– Более чем! А у тебя, папа?

– У меня? У меня все хорошо, дочка.

Ольга, несмотря на занятия психологией, была поклонницей всякого рода обрядов и поверий и считала, что в этих преданиях закодирована мудрость разных народов. Она была убеждена, что знать их психологу необходимо в обязательном порядке, потому что с увеличением количества «народных целителей» появилось множество мошенников и жуликов, превративших эту практику в «ворожбу», ставшую основой всевозможных неврозов. В это раннее утро она вспомнила лишь об одном древнем поверье – кто из молодых встанет первым с брачного ложа, тот будет главным в доме и дольше проживет. Она первой пришла на кухню и стала готовить завтрак. Вскоре запахи классической яичницы привлекли обоняние Валерия, и он появился на кухне. Когда все

было разложено по тарелкам и под одобрение хозяина стало съедаться, Ольга сообщила, что звонил папа и узнавал, почему она не ночевала дома.

– И что ты ему ответила? – спросил Валерий.

– По существу ничего. А ты считаешь, что я должна была ему что-то сказать?

– Отвечать в таких случаях надо в пределах разумного. Мы об этом с тобой вчера договорились.

– Я осталась ночевать у мужчины, и что же, по-твоему, я должна в пределах разумного ответить своему отцу?

– Мне кажется, его надо как-то обрадовать.

– Как? Может быть, сообщением, что я, возможно, беременна?

Валерий оторвался от еды и заговорил другим тоном и очень взволнованно:

– Для меня, Ольга, это было бы огромным событием. В моем браке с бывшей женой это было невозможно. Мы прибегали ко всякого рода медицинским услугам и в конце концов довели друг друга до взаимной ненависти, и в конечном итоге все закончилось разводом. Поэтому прошу тебя, этим не шути.

– Извини, я не знала.

– Ты все и без того бы узнала, но я не думал, что эта тема возникнет так рано, на первом совместном завтраке.

– Ты прямо говоришь как Бернард Шоу из переписки с Патрик Кэмбл.

– Кто такая, эта Патрик Кэмбл?

– Актриса.

– Она забеременела от Бернарда Шоу?

– Нет, они обо всем говорили примерно в таком тоне.

– За завтраком?

– Кажется, они никогда не завтракали вместе.

– Почему?

– Потому что они только переписывались. Это пьеса такая есть Бернарда Шоу.

– Не наш случай. Я не люблю писать и предпочитаю тебя видеть живьем и каждое утро. Так и скажи своему отцу: папа, Валерий Гольцов хочет видеть меня каждое утро за завтраком. Если, конечно, ты этого хочешь.

Он оторвался от тарелки и внимательно посмотрел на Ольгу. Вся ее привычная наступательность вдруг погасла, когда она услышала ясные прогнозы их дальнейших отношений. Ей так стало вдруг хорошо и удобно, что она быстро подошла к нему и, обняв его за шею, заплакала.

– Спасибо тебе, ты чудо. Я люблю тебя.

Валерий улыбнулся и вскинул ей прядь волос, как это делала она сама при первой встрече.

– Какая ты у меня красавица. И я смотрю, у тебя нет никакого макияжа. Или я ошибаюсь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.